

A book cover featuring a man and a woman. The man, in the foreground, has dark hair, light eyes, and a light beard, wearing a black shirt. The woman, in the background, has long dark wavy hair and is wearing a white lace-trimmed top. The background is dark and moody.

АСЯ
ПЕТРОВА

ЖЕНА ОФИЦЕРА
Я ТЕБЯ
ОТВОЮЮ

Ася Петрова

Жена офицера. Я тебя отвоюю

<https://litres.ru/74213387>

Аннотация

— Простите меня, пожалуйста, — качаю головой, — я ошиблась дверью. Впервые тут.

— Да? А вы к кому?

— А я к Кири...

— Малыш, кто там? — а вот и он.

Вырастает за спиной девушки, выходя, судя по всему, из ванной комнаты. Он в одних трусах, вытирает насухо свою голову полотенцем.

А у меня внутри что-то обрывается. Я пытаюсь найти какой-то ответ на происходящее, но ведь он на поверхности.

Слёз нет. Нет ничего. Всё внутри заledenело.

— Ошиблись.

Отвечает она.

— Не ошиблись... — тут же отзываюсь я.

— Яра, — глаза Кирилла начинают нервно бегать по пространству, — ты должна была завтра приехать...

И это всё, что он хочет сказать?

— Видимо, — горько усмехаюсь, — я вообще не должна была приезжать.

Приехала сюрпризом к жениху в гарнизон, у нас свадьба через месяц... А он там с другой «ждёт» меня. Я убежала подальше, куда глаза глядят, а когда распахнула эти глаза, поняла, что в бане.

Не одна.

С каким-то мужиком, который растирает мои ледяные ступни. И смотрит волком.

— Кто вы такой? Что вы делаете?

Книга участвует в литмобе "Жена офицера" –

Содержание

Глава 1. Ярослава	6
Глава 2. Глеб	12
Глава 3. Ярослава	17
Глава 4. Глеб	22
Глава 5. Ярослава	27
Глава 6. Ярослава	32
Глава 7. Глеб	36
Глава 8. Ярослава	40
Глава 9. Глеб	44
Глава 10. Ярослава	51
Глава 11. Ярослава	55
Глава 12. Ярослава	59
Глава 13. Ярослава	64
Глава 14. Ярослава	68
Глава 15. Глеб	73
Глава 16. Глеб	77
Глава 17. Ярослава	82
Глава 18. Ярослава	87
Глава 19. Глеб	91
Глава 20. Ярослава	95
Глава 21. Ярослава	100
Глава 22. Ярослава	105
Глава 23. Глеб	110

Глава 24. Ярослав	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Глава 1. Ярослав

— Да, мам, я уже на месте.

Выпрыгиваю из такси, нога едет по тонкому льду, и я в самый последний момент успеваю схватиться за кузов машины, чтобы не упасть.

В руке сжимаю увесистый керамический горшок с любимым цветком — «Маковка». Конечно, это не мак. Я просто так его называю.

Это обычная пеларгония, но у неё такие красивые красные цветочки, поэтому «Маковка» очень ей подходит.

— Я перезвоню, — бросаю в трубку матери, быстро тараторя.

Она что-то хочет сказать в ответ, но я уже кладу трубку, пряча телефон в кармане пуховика.

Пока таксист достаёт мой чемодан из багажника, я замираю напротив больших ворот в гарнизон «Северный». Волнение мурашками атакует моё тело, а лёгкая улыбка касается губ.

Волнительно...

Мы с Кириллом четыре месяца не виделись, я ужасно соскучилась. Тяжёлое решение принималось, но приехать к любимому в гарнизон... Думаю, это правильно. Жёны офицеров ведь должны быть рядом с любимыми, поддерживать во всём.

Пускай у нас свадьба только через месяц, но мы давно вместе. Четыре года. Вот как мне восемнадцать исполнилось, Кирилл сразу меня и околдовал своими чарами. Ухаживал красиво, а он у меня первый... Во всём.

Конечно, я влюбилась. Почти сразу.

— Девушка, — таксист окликает меня, — у вас с карты средства не списываются.

Отвлекаюсь от рассматривания виднеющихся зданий гарнизона.

— Ох, да, забыла поменять способ оплаты. Вот, — достаю из кошелька деньги и протягиваю мужчине, — спасибо.

Он уезжает, буксуя в плотном снегу, а я, схватив ручку чемодана, плетусь на КПП.

— Здравствуйте. Я к жениху. Он должен был заявление написать. Кирилл Орлов.

Протягиваю паспорт молодому парню.

Вообще, Кирилл ждёт меня завтра, но я решила устроить сюрприз. Почему бы и нет?

Накрою стол, сделаю вкусный ужин, побуду с любимым.

От ожидания внутри всё стягивается в плотный узел, представляю, как увижу его, как коснусь его губ...

Ох, надо тормозить. А то этот парень на КПП уже странно на меня косится.

Он молча оформляет для меня пропуск, турникет загорается зелёным, забираю документы из его рук и, еле таща громадный чемодан и «Маковку», прохожу вперёд.

— Ой, — оборачиваюсь у выхода, — а куда же идти мне?
— А ваш жених не назвал адрес?

Его бровь скептически приподнимается вверх, словно он пытается меня в чём-то уличить. Какой грозный. Ух.

— Он меня завтра ждёт, — тихо отвечаю, — должен был встретить. А я тут... сюрпризом. Вот.

Зачем-то демонстрирую свою «Маковку», словно этот прекрасный цветок обогреет этого хмурого парня.

Он вбивает в компьютер у себя что-то, видимо, базу просматривает, потом чиркает на бумажке адрес.

— Прямо вдоль аллеи, дальше налево у главного штаба. Там будет дом самый крайний, под номером четыре. Вам туда.

— Ой, спасибо большое, — подпрыгиваю на месте, чуть ли не хлопая в ладоши. Улыбаюсь, так и не получив улыбку в ответ, и бегу скорее навстречу к любимому.

На удивление, с моим топографическим кретинизмом мне удаётся найти нужный дом с первой попытки. У подъезда сердце начинает ускоренно стучать, волнение поднимается к горлу.

Я очень соскучилась... И очень хочу скорее обнять и поцеловать своего любимого.

Лифта в этой пятиэтажке нет, чемодан совсем неподъёмный. Приходится оставить его на первом этаже, потом попрошу Кирилла за ним спуститься.

«Маковку», как главный трофей, не выпускаю из рук. До-

бираюсь по лестнице до третьего этажа, палец замирает над дверным звонком.

Глубокий вдох и медленный выдох. На губах мягкая улыбка.

Дверь не открывают, и я начинаю переживать, что Кирилл может быть сегодня на полигоне, а я тут со своим сюрпризом. Но наконец слышу звук проворачиваемого замка.

— Сюрприз! — дверь открывается, я расставляю руки в стороны и радостно кричу. Но проходит ровно секунда, и я уже отшатываюсь назад.

— Девушка, — девица, что стоит в дверном проёме, оглядывает меня с ног до головы. Я заливаюсь алой краской, понимая, что ошиблась квартирой. Вышло неудобно.

Девушка в одной футболке цвета хаки, её волосы небрежно спрятаны в пучок, а ноги и вовсе оголены. Длинные, кстати. Даже с педикюром.

Красивая девушка! Ничего не скажешь!

— Простите меня, пожалуйста, — качаю головой, — я ошиблась дверью. Впервые тут.

— Да? А вы к кому? — она тут же смягчается, понимая, что я не пришла завоёвывать её территории.

— А я к Кири...

— Малыш, кто там? — а вот и он.

Вырастает за спиной девушки, выходя, судя по всему, из ванной комнаты. Он в одних трусах, вытирает насухо свою голову полотенцем.

А у меня внутри что-то обрывается. Я пытаюсь найти какой-то ответ на происходящее, но ведь он на поверхности. Слёз нет. Нет ничего. Всё внутри заледенело.

— Ошиблись.

Отвечает она.

— Не ошиблись... — тут же отзываюсь я.

— Яра, — глаза Кирилла начинают нервно бегать по пространству, — ты должна была завтра приехать...

И это всё, что он хочет сказать?

— Видимо, — горько усмехаюсь, — я вообще не должна была приезжать.

Слушать его не хочется. Кирилл делает шаги в нашу сторону, отодвигая девушку, судя по всему, в его футболке. Меня трясёт, и тело охватывает озноб.

Кирилл вытягивает руку вперёд, чтобы схватить меня за рукав пуховика, но я уворачиваюсь, не выпуская из рук «Мажкову», лечу без оглядки вниз.

Голос его слышу за спиной. Он просит остановиться. Говорит, что всё объяснит.

Но я не дура, видела всё своими глазами. Какой смысл в его объяснениях?!

Спотыкаюсь о свой же чемодан, успеваю поставить сверху него цветок, а сама вылетаю пулей из подъезда.

Видеть его не хочу, поэтому бегу без разбора, куда глаза глядят. Он же в одних трусах, вряд ли в мороз побежит меня догонять.

А я всё равно бегу и бегу... Пока дыхание не спирает.

Вокруг уже сплошной лес, слёз нет, есть только дикое разочарование. В себе, что доверилась, в нём, что не оправдал ожиданий.

Я не замечаю, как ступаю на лёд, и когда слышу характерный треск под ногами, сориентироваться уже не успеваю. Слишком поздно.

Ледяная основа рушится подо мной, и я опускаюсь в ледяную воду с головой.

Глава 2. Глеб

— Глебыч! — летит мне в спину. Я торможу посреди коридора, оборачиваясь. Незамеченным остаться не вышло. — Ты каким ветром здесь? У тебя же отпуск.

— Да нахрен этот отпуск, — машу рукой, — две недели ничего не делать звучит как ад, а не как отпуск.

— Ты же к матери собирался поехать.

Товарищ жмёт плечами, он бы рад был сейчас в отпуск пойти. А я вот нет... Работа даёт возможность меньше думать о своей жизни и больше делать.

Не могу сказать, что жизнь у меня прям не сложилась, но и хорошего было мало. Почти не было.

— Если Матвеич тебя здесь увидит, то на месяц отправит отдыхать, — шутит Марышев, стуча меня по плечу ладонью.

Он прав. Матвеич меня в этот отпуск еле выгнал. Я уже сам понимаю, что пора, но не мог...

— Да я бы поехал к матери, — жму плечами, — так сестра её утащила в Абхазию отдохнуть. Я думал к ним поехать, а потом передумал. Че мне туда тащиться?

— Станный ты, Глеб Игоревич, — Марышев громко смеётся, — кто не без греха.

Весь день я отсиживаюсь на своей служебной квартире, по телевизору идёт одна муть, от чая уже мочевого пухнет, а от безделья голова гудит.

Решаю себя хоть как-то развлечь, беру отцовскую удочку, которой уже лет тридцать, но я её храню в память о нём. Рыбачить научил меня тоже батя, мне было четыре года, когда он взял меня на первую рыбалку.

Так и стало это нашей традицией. Когда мне было пятнадцать, батя погиб, упал с высоты на стройке, где работал. Я долго не мог ездить на рыбалку, удочку не трогал.

А потом военное училище, первые гарнизоны, и я спустя время смог преодолеть себя и пойти на рыбалку. Сейчас только так и спасаюсь. Думаю часто о бате, о матушке, которая совсем плоха в последнее время.

Пересекаю лесную тропу, посвистываю, наблюдая за темнеющим небом.

Торможу в конце тропы, сначала не верю своим глазам, а потом понимаю, что происходит полный звездец.

Девушка бежит прямо на лёд, в то место, где он ещё не застыл. Словно не видит, куда бежит. Её длинные пышные волосы развиваются от ветра, кудри путаются между собой и падают на её лицо.

Суицид, что ли?

Блядь. Только этого нам не хватало в части.

Кричу этой полоумной, чтобы остановилась, а она словно не слышит.

Секунда, и я чётко вижу, как её тело уходит под лёд. Дура, мать его.

Отбрасываю удочку в сторону, бегу к краю озера, падаю

плашмя, цепляясь ногами плотно за дерево. Тяну руку в ледяную воду, пытаюсь нащупать тело. Благо мои пальцы вязнут в её капюшоне, тяну её вверх, словно рыбу на удочку вытягиваю.

Она ловит ртом воздух, барахтается и кричит.

— Тише! Не шевелись, ты только воду разгоняешь и воронку создаёшь, — отдаю чёткий приказ, — расслабь тело. Я тебя вытащу.

— Мне страшно, — она поворачивает голову в мою сторону, и её зелёные глаза гипнотизируют меня. Пользуюсь тем, что она испуганно пялит в меня своими глазищами, резко выдёргиваю её за капюшон. Ткань трещит по швам, но половина туловища оказывается над водой.

Ядвигаюсь назад, ползу по льду, а её тяну за собой.

Ледяные тоненькие руки с нежно-розовым маникюром обхватывают меня за ладонь, она держится, дрожа всем телом.

Ещё один рывок, буксую на льду ногами и тяну её ещё больше на себя.

Когда всё её хрупкое тело оказывается уже на поверхности льда, я сажусь на корточки, расставляю ноги шире, чтобы трещина не пошла дальше.

Хватаю девчонку за туловище и оттаскиваю в безопасное место.

Она вся синяя, губы трясутся, глаза закрываются.

Сейчас кони двинет! Блядь!

— Не спать! — кричу грозно, — глаза держи открытыми.

Хватаю её на руки, несмотря на то что её одежда мокрая, девчонка настолько хрупкая, что вес её почти не ощущается.

За поворотом стоит баня, я ногой пинаю дверь, она с лёгкостью поддаётся, влетаю внутрь, кладу девчонку на деревянную скамью. Начинаю стягивать с неё мокрую одежду, растираю ледяное тело ладонями, создавая теплообмен.

Она не отходит. Всё такая же холодная и словно неживая.

— Сейчас, — рычу грозно, а у самого внутри сердце долбится о рёбра от страха, что она сейчас умрёт. Молодая ещё, красивая, блядь. Дура!

Кидаю брёвна, растапливаю баню. Парилка еле тёплая, но я волоку женское тело внутрь, кладу её на самую верхнюю полку и оставляю лежать.

Сам выхожу из парилки, стягиваю с себя одежду. Остаюсь в одной футболке и джинсах, возвращаюсь к девчонке.

Парилка начинает прогреваться.

Хватаю её ступню и растираю в ладонях, пригоняя приток крови. Тру долго, тщательно, парилка начинает хорошо парить.

Девчонка перестаёт трястись, застывает в моих руках, а потом широко открывает глаза.

Смотрит на меня этими бездонными омутами цвета леса или чего ещё там зелёного... Необычные они у неё. Яркие, глубокие.

— Кто вы такой? Что вы делаете?

Она дёргается назад от меня, прикрывает своё голое тело, в ужасе смотря на то, как я продолжаю растирать её бедра.

Глава 3. Ярослав

Выхожу из парилки, плотно закутавшись в простыню. Мужчина, что спас меня, вытащив из ледяной воды, сидит за столом на деревянной скамье. Ждет меня, стреляя глазами в мою сторону и сложив руки в замок на столе.

— Пей.

Одним движением руки пододвигает ко мне кружку.

— Что это?

Обхватываю ее обеими руками. Жидкость коричневого цвета.

— Чай. Пей. Тебе изнутри прогреться тоже нужно.

Делаю, как он говорит. Отчего-то доверие к нему есть, он же спас мне жизнь, вряд ли попытается отравить. Делаю щедрый глоток, язык тут же немеет, а рот вяжет.

— Фу, — кручу головой в разные стороны, — Это не чай!

Обиженно взираю на мужчину. Зачем он так со мной? Ну да, я могла устроить всем проблемы, если бы в озере нашли мой труп... Но я ведь не специально.

— Если бы я сказал, что там коньяк, ты бы пить не стала. А он прогреет тебя куда лучше, чем чай. Так, — он двигается корпусом вперед, — рассказывай давай. Как зовут, откуда и что ты делала на озере? Хотя что ты там делала, я видел, лучше расскажи зачем?

Взгляд у мужчины изучающий, внимательный. Словно он

подмечает каждую деталь, сканирует глазами, не отрываясь ни на секунду. Несмотря на то, что мое тело уже спрятано под простыней, мне все еще кажется, что я голая перед ним. И руки его эти... растирающие меня. Какой позор, Яра! И это ты в первый день такое учудила.

— Я к жениху приехала, — пожимаю плечами, — а он... Он был занят делами, — жаловаться постороннему мужчине не хочется.

— Хорошо. Имя и фамилия жениха.

— А зачем вам?

Свожу брови к переносице.

— Узнаю, врешь ты мне или нет.

— Конечно, не вру, — поправляю мокрые волосы, которые начинают сильно закручиваться, — кто бы меня пустил на территорию гарнизона без пропуска... Мы просто немно-го с ним повздорили, и я убежала. Не знала, что здесь озеро.

В его глазах блестит разочарование, отчего-то так неприятно кольнувшее по мне.

— Простите, а можно у вас телефон одолжить? Мой искупался вместе со мной в озере. Я маме позвоню, она переживает.

Мужчина молча встает со скамьи, я успеваю отметить его военную выправку. Идеальная ровная спина, уверенный шаг, каждое движение отточено, словно выверено до миллиметра. Он достает из своей куртки обычный кнопочный телефон. Я думала, такими уже не пользуются.

— Звони.

Кладет трубку передо мной на стол и садится обратно.

— А можно я с мамой тет-а-тет переговорю?

— Говори так, — и я понимаю, что лучше не спорить.

Видно, что мужчина этот не последний человек в гарнизоне, и, конечно, по военному воспитанию, он хочет убедиться, что я не соврала в своих показаниях.

Набираю мать, она сразу же отвечает, словно ждала моего звонка. Голос у родительницы обеспокоенный, с нотками воспитательного тона.

— Ярослава! Куда ты пропала? Кирилл тебя везде обыскался. Что ты там устроила? Ты же понимаешь, что это гарнизон, там нужно вести себя соответственно.

Облизываю пересохшие губы, на которых остался вкус алкоголя.

— Мам, послушай, я приеду домой обратно.

— Что ты за ерунду говоришь? Какой домой? У тебя свадьба через месяц! Ярослава, хватит дурью заниматься. Ну повздорили вы, иди и мирись.

— Мы не повздорили, мам, — прикрываю глаза, вспоминая картинки из подъезда: ту девушку с длинными стройными ногами, любимого, который в одних трусах и ласково к ней обращается, — я его с другой там застала, мам.

Ловлю на себе заинтересованный взгляд мужчины, но он тут же отводит глаза в сторону. Ну да, важный момент я ему не сказала...

— Ярочка, доча, ты наверняка все не так поняла. Ну какая другая девушка? Кирюша, наверно, просто помогал ей, а ты все придумала себе в голове.

— Мам! Он был в трусах, а она в его футболке. Что я там могла не так понять?

Мне становится жутко больно и обидно, что мать меня не слышит. Или не хочет слышать. Конечно, Орловы — это прекрасная семья, с которой хочется породниться. Только вот я не средство для сближения, а живой человек. И я не хочу, чтобы об меня вытирали ноги.

Мать начинает что-то говорить, но трубка резко исчезает из моей руки. Мужчина нажимает на кнопку и сбрасывает вызов.

— Вы чего? Она же... Она меня за это потом отчитывать будет месяц!

— Жених твой кто?

Его челюсти плотно смыкаются, он злится и даже не скрывает этого.

— Кирилл Орлов.

На секунду между нами повисает пауза, а потом раздается резкий стук в дверь. И голос предателя.

— Тут кто-то есть? Эй! Яра, ты там?

Я инстинктивно подаюсь вперед и хватаю своего спасителя за руку, крепко сжимая пальцы на теплой грубоватой ладони. Мои глаза округляются, и я прошу шепотом:

— Не выдавайте меня. Умоляю!

Мужчина молча встает, надевает куртку и выходит из бани. Голоса затихают, я не знаю, о чем они говорят, но время словно длится вечность...

Глава 4. Глеб

— Товарищ подполковник, здоровья желаю!

Орлов вытягивается по струне, как только я выхожу на крыльцо бани.

— Здравия желаю, товарищ капитан.

Приветствую его в ответ, прохожу вперед и встаю рядом, опираясь о деревянные балки бани.

— Разрешите обратиться.

— Разрешаю. Можно не по уставу. Чего тебе?

Он чуть расслабляется, выдыхает.

— Глеб Игоревич, вы девушку тут не видели? Такая худенькая, с длинными темными кудрявыми волосами. В пуховике была.

— Девушку? — изгибаю упрямо бровь.

Хочется по роже съездить этому горе-любовнику, но я держусь. Хотя выходит очень скверно. Никогда не умел я притворяться.

— Да, ко мне невеста приехала. А я вот найти не могу.

— Отчего же ты, Орлов, найти ее не можешь? Сбежала?

Прищуриваю глаза, он тут же теряется под моим взглядом, а потом собирается.

— Никак нет. Поссорились немного. Уже весь гарнизон оббегал, нигде найти не могу. Не пробегала здесь случайно?

— Не было тут никаких девушек, Орлов, — говорю гром-

ко, отчётливо, выговаривая каждое слово, — Уехала твоя да-
ма сердца, наверно.

— Нет, на КПП сказали, что не уезжала. Куда же она могла
даться-то?

Парень психует, я вижу, что он еле сдерживает свои эмо-
ции.

— А ты чего такого натворил, Орлов, что она убежала?

— Да встретить ее забыл! Она у меня обидчивая.

Да уж... Блядь.

Врёт, падла, и совершенно не краснеет. Больше всего в
жизни я ненавижу ложь, я не перевариваю ее ни в каком ви-
де. Аллергия у меня на нее.

Злость за секунду поднимается вихрем внутри меня, я бы
высказал этому сукину сыну, что думаю, но девчонку под-
ставлять не хочется. Глаза еще ее эти... Смотрела так на ме-
ня, словно от меня ее жизнь зависит.

— Найдется, — грубо бросаю ему, — Товарищ капитан,
подготовить роту к утреннему осмотру к 07:00. Доклад о го-
товности представить лично. Буду ждать.

— Но... — он тут же теряется, — Товарищ подполковник,
а как же моя невеста?

— Товарищ капитан, вы решили игнорировать приказы
вышестоящего руководства?

— Никак нет.

— Исполнять!

Жестко обрубаю его. Орлов уходит, а я даю себе еще

несколько минут, вдыхая морозный воздух.

Что же с девчонкой-то делать?

Судя по ее разговорам с матерью, дома ее не особо ждут. А возвращаться к жениху... Да нет, не такая она. Не дура вроде, хоть и на лёд выбежала. Смешная.

Улыбка появляется на моих губах, но я быстро ее гашу. Надо что-то решать.

Возвращаюсь в баню, запускаю в натопленное помещение порцию морозного воздуха. Девчонки нигде нет, осматриваю помещение, имя-то ее даже не спросил... Блядь! Ну вот и куда она подевалась? Честное слово, непутёвая какая-то.

— Эй, — некрасиво так обращаться, конечно, но что поделать, — Ты где? Ушел твой благоверный.

Не проходит и минуты, как она выглядывает из-за вешалки со старыми куртками.

— Что вы ему сказали?

— До утра твой благоверный будет занят. У тебя есть возможность забрать свои вещи и уехать.

— Ага, — неуверенно кивает она, — Спасибо вам.

Мы стоим молча несколько минут, она теряется и словно не знает, что делать дальше.

— Звать-то тебя как?

— Яра. Ярослава, вернее, — скромно улыбается, и снова пялит в меня своими зелёными омутами.

Честное слово, говорят же, что рыжие и зеленоглазые — это ведьмы. Эта хоть и не рыжая, но глаза точно колдовские.

Я забываю вообще все слова на свете, когда смотрю в них.

— А вас? — резко делает шаг вперед.

— Глеб, — дополняю тут же, — Игоревич.

— Хорошо, Глеб Игоревич. Вы простите, я, наверно, не должна вас просить, но я думаю, что Кирилл затащил мой чемодан в квартиру, а ключа-то у меня нет... Как же я заберу свои вещи? Я даже не успела зайти в квартиру, а он там...

— Я понял, — резко обрываю ее, не хочу, чтобы она проносила то, что ранит ее, — Одевайся и пойдем со мной.

— У меня одежда еще не высохла.

Ох, блядь...

Беру в руки свой свитер, аккуратно бросаю ей. Она ловко ловит его.

— Надевай мой свитер, — отдаю приказ, — Штаны сейчас старые какие-нибудь найду.

Ухожу в кладовую, где хранятся старые вещи для рыбалки. Не один я любитель иногда порыбачить здесь. Вот мужики и привезли старые лохмотья.

Выхожу из кладовой как раз в тот момент, когда девушка снимает с себя простынь. Белая ткань падает к ее ногам. Красивая упругая попа идеальной формы, тонкая талия, невероятные длинные ноги, хрупкая спина. Я тупо пялюсь на нее.

Мне, мать его, тридцать восемь лет, я давно не сосунок, чтобы смотреть на голую бабу таким взглядом. Но я смотрю, не отрывая глаз.

— Ой, — она замечает меня, прикрываясь, как там, в па-

рилке, — Что же вы не предупредили... что уже здесь.

Не знаю, дева... Смотреть на тебя хотел. Вот и не предупредил. Пусть уезжает лучше, от греха подальше. Нездоровая у меня реакция на нее. Не должно так быть.

Глава 5. Ярослав

Глеб Игоревич ловко открывает ключом квартиру Кирилла. Он пропускает меня вперед, я захожу и принимаюсь, словно могу вычислить запах другой женщины.

Мой чемодан, как я и предполагала, стоит у самого порога.

— Твой?

Глеб Игоревич кивает головой.

— Да, но... — иду вглубь квартиры, — Тут еще должна быть Маковка. Сейчас...

Ищу в комнате, потом иду на кухню. Нигде нет моей престной пеларгонии.

— Маковка, это кто? Кошка?

Он смешно изгибает бровь, и у мен на секунду вырастет улыбка.

— Нет, это пеларгония.

— Пела кто?

Прикусываю нижнюю губу, сдерживая смех. Таким грозным мужчинам очень идет быть в недоумении. Он и правда растерян, но искренне пытается разобраться.

— Это мой цветок. В горшке, — присаживаюсь на табурет, тяжело вздыхая.

Кирилл же не мог его выкинуть?

Да нет, зачем... Это слишком жестокий поступок.

Глеб Игоревич никак не комментирует то, что я дала прозвище цветку. Он даже включается активно в поиски, начиная открывать все ящики.

Его рука тянется к ящику под раковиной, он отодвигает дверцу, с шумом выдыхает и разворачивается ко мне:

— Это она? Твоя пела и гармонь? Как-там правильно то...

Вскакиваю с места, подбегаю к мусорному ведру, и вижу свою красавицу. Цветок в порядке, а горшок раскололся на несколько частей.

Я достаю цветок из мусорного ведра, от несправедливости начинает щипать в глазах. Я очень эмпатичный человек, мне жалко всех и всегда.

И сейчас мне безумно жалко этот красивый, ни в чем не повинный, цветок. Да уж Кирилл, опустил ты в моих глазах ниже плинтуса.

Даже если и разбил случайно горшок, то можно ведь было цветок не выбрасывать...

Мы выходим с Глебом Игоревичем на улицу, он, конечно, же тащит мой чемодан, а я аккуратно придерживаю корни цветка.

— Вы можете мне такси вызвать, пожалуйста? Телефон то я утопила. Только поставьте оплату наличными.

— Пошли, — коротко бросает мне через плечо и двигается вперед.

Настроение ниже нуля. Сегодня не просто не мой день, сегодня случилось все самое страшное.

Предательство, почти что чуть не умерла, еще и цветок любимый загубили.

Я иду за мужчиной, слепо веря ему, уставшая и совершенно потерянная. Когда мы останавливаемся у подъезда похожего дома, но с другим номером, я вззираю на окна, из которых горит свет.

— У меня переночуешь. Там две комнаты. Я тебя на ночь глядя никуда не отпущу, мало ли во что ты еще влипнешь. Завтра сам отвезу на вокзал. Идет?

— Как-то неудобно, — мнусь на месте.

— Неудобно в ледяной воде кувыркаться, — качает головой, — Пошли.

Квартира по ремонту у него похожа на Кирилла квартиру, правда тут две комнаты, как он и сказал, и кухня побольше. Уютного мало, все слишком сдержанно.

Одна чашка, ложка, вилка, тарелка. Видно, что мужчина гостей не ждет. Да и не любит видимо.

— Я тебе на кровать чистое белье постелю, сам на диване лягу.

— Ой, да я тоже могу на диване... Без проблем.

— Нет, — резко отрицает, — Я так не могу.

Он выдает мне полотенце, показывает как включать воду в ванной. Пока я принимаю горячий душ, стараюсь не думать о том, что случилось.

Слезы прорываются в самый последний момент, когда уже выключаю воду.

Жду, пока красное от слез лицо, снова станет светлым. И только после этого выхожу из ванной комнаты.

— Яра, — басит мужчина, — Иди сюда.

Я захожу на кухню, на столе стоит чайник, несколько бутербродов с докторской колбасой и чуть расплавленным в микроволновке сыром.

— Я готовить не умею, — пожимает плечами, — Но бутерброды у меня фирменные. Поешь, а то наверняка голодная.

Он двигает ребром ладони тарелку в мою сторону.

А ведь и правда... Я ужасно голодная. Только из-за всех этих происшествий не заметила, что хочу так сильно есть.

Пока уминаю бутерброд за бутербродом, замечаю заинтересованный взгляд на себе.

— Что-то не так? — вытираю рот, переживая, что там крошки или следы сливочного масла.

— Позволишь дать тебе совет?

Киваю несмело. Учить жизни меня будет? Эх...

— Не плачь больше из-за него, Ярослава. Ни один мужчина не должен делать свою женщину несчастной. А если он так сделал, значит эта женщина была не его.

Я чуть в шоке приоткрываю рот. Глеб Игоревич просто встает со своего места, желает мне спокойной ночи и уходит.

Чувствую, как сердце отбивает сбитый ритм, щеки вновь алеют, только уже нет мороза и не от слез, а от чего-то совершенно другого.

Глава 6. Ярослав

Я просыпаюсь от луча солнца, который пробивается через стекло, покрытое инеем, и настойчиво меня будит. Потягиваюсь в кровати, не до конца осознав, где нахожусь. А потом воспоминания о вчерашнем дне потоком обрушиваются на меня, и настроение тут же достигает самой нижней отметки.

Но длится это всего две минуты, пока мой взгляд не цепляется за Маковку.

Она величественно стоит на столе! В новом горшке!

Вскакиваю на ноги, подбегаю к любимому цветку, ощупываю нежные лепестки, не веря, что это и правда она. Но сомнений нет, с левой стороны на лепесточке было небольшое пятнышко, оно осталось.

Неужели это Глеб Игоревич пересадил мой цветок? Еще и так аккуратно. Так бережно.

Губы трогает теплая улыбка. Я неспеша выхожу из комнаты, ступая босыми ногами по холодному паркету. Глеба Игоревича нет в квартире, я успеваю принять душ, приготовить завтрак и заварить чай.

Как раз в тот момент, как я заканчиваю, дверь хлопает. Завтрак — это самое меньшее, что я могу сделать для него. — Доброе утро! — выхожу в коридор, встречая мужчину. От него пахнет морозом и еще чем-то... вкусным. Необычным.

Он кивает мне, раздевается и идет мыть руки. А я жду его покорно на кухне.

— Пахнет... — заходит следом, — едой.

— Да, я тут немного похозяйничала. Надеюсь, вы не против. Вот.

Указываю на стол, где стоит ароматная яичница с колбасой и свежей зеленью, ломтики сыра и хлеб со сливочным маслом. Просто, но с душой.

— Спасибо. Завтрак — это мой любимый прием пищи. Я обычно в столовую хожу, там Лиза отменную творожную запеканку делает. Но эта яичница вызывает дикий аппетит.

Он садится на стул, потирает замерзшие руки и тут же приступает к еде.

— Я тоже умею готовить запеканку, — зачем-то ставлю его в известность, а потом быстро перевожу тему, — Мы после завтрака сразу поедem? Вам точно удобно будет? Я все еще могу поехать на такси.

— Удобно, — безапелляционно отрезает он, давая понять, что разговор закрыт.

Мы доедаем почти ни о чем не разговаривая. Я мою посуду, одеваюсь, пока Глеб Игоревич уносит мои вещи в свою машину.

Улица встречает хрустящим снегом под ногами и все тем же ярким солнцем. Зима и солнце — это что-то невероятное. Самое любимое время года.

Прижимая Маковку в ее новой одежде, я неспешно иду

к машине Глеба Игоревича. У него довольно внушительный внедорожник, больше похожий на танк. Но ему очень идет такая машина. Он сам плечистый, широкий. И машина таких же размеров.

Не успеваю сесть внутрь, как слышу до боли знакомый крик.

— Яра! Остановись!

Оборачиваюсь и вижу, как в нашу сторону бежит мой горе-жених. Рука дергается, Маковка чуть не выскальзывает из моих рук, но я удерживаю ее.

Глеб Игоревич подходит ближе, настроенный серьезно.

— Поговорить с ним?

— Нет, не нужно. Будет правильно, если я сама объяснюсь.

Вручаю мужчине свой цветок и иду навстречу бывшему жениху. Сердце предательски сжимается от осознания, что все это было ложью.

— Яра! Девочка моя! — как только мы встаем напротив друг друга, он тут же обхватывает мое лицо своими горячими ладонями. Я уворачиваюсь, — Я так переживал, Яра. Куда ты делась?

Он смотрит поверх моего плеча, ловит силуэт Глеба Игоревича, непонимающе изгибая бровь.

— Не знаю, Кирилл, что и сказать. Свадьбы не будет, надеюсь, ты это понимаешь, — переминаюсь с ноги на ногу.

— Как не будет, моя хорошая? Что ты такое говоришь?

— Кирилл!!! — резко отхожу от него на шаг назад, чувствуя, как он нарушает мое пространство, — Почему ты делаешь вид, что я вчера не застала тебя с другой? Все же очевидно.

— Ярослав, это все не так... Эта девушка, Лера. Она медсестра из санчасти. У меня поясницу тянет последний месяц, я груз тяжелый поднимал, видимо, сорвал. Дойти не мог до части, вызвал Валерию, и она пришла сделать мне укол.

— Ты ее назвал малышом... и она была в твоей футболке! Дуру из меня делает... А это куда обиднее, чем предательство. Я же не глупая. Я все видела.

— Яра, я очень люблю тебя. Давай поговорим нормально. Прошу тебя. И вообще, какого хуя тебя Глеб Игоревич куда-то везет? Где ты ночевала?

Он ловко переводит стрелки, нападая на меня.

Глава 7. Глеб

Есть негласное правило, которому я придерживаюсь. Никогда не лезть в чужие разборки, особенно если это разборки между мужчиной и женщиной. Только если женщине не угрожает опасность.

Впервые я хочу нарушить это правило: подойти к Орлову, дать ему леща, а после схватить девчонку, унести в машину. Но я сдерживаю свой порыв. Правда, нагло встаю, опираясь о корпус машины, скрещиваю руки на груди и внимательно слежу за парочкой. Не дай бог, он поднимет руку... Я ее оторву. Нет, вырву с корнем.

Яра активно размахивает руками, Кирилл Орлов свирепо раздувает ноздри. Атмосфера между ними накалена, но диалог не слышен. Одно ясно — ничего хорошего в их разговоре нет.

Спустя несколько минут Ярослава дергается назад, он настигает ее, и тут я уже не выдерживаю. Блядь. Он пугает девчонку.

Подлетаю к ним за секунду, вставая рядом с хрупким девичьим телом.

— Все в порядке?

— Товарищ подполковник, — Орлов на пределе, — позвольте разобраться со своей невестой наедине. У нас семейные дела.

— Не будет никакой семьи, Кирилл! Оставь меня в покое, пожалуйста.

Девчонка поворачивается ко мне корпусом, продолжая говорить севшим голосом:

— Глеб Игоревич, отвезите меня, пожалуйста, на вокзал.

— Яра! — Орлов выдвигает руку вперед и тянет девчонку на себя. Она расширяет глаза и теряется из-за такого грубого напора.

— Без рук! — жестко обрубаю я, получая агрессивный взгляд в свою сторону.

— Глеб Игоревич, при всем уважении, отъебитесь, а. У вас вроде как отпуск, так вот идите и отдыхайте.

Орлов указывает мне рукой, куда я должен идти. Хмыкаю, сдерживая себя, хотя уже в уме уложил его на лопатки. Девчонку только пугать не хочу... Не привыкшая она к таким картинкам.

— Отдаешь себе отчет, с кем разговариваешь? — склоняю голову вбок, сканируя его уничтожающим взглядом.

— Со своей будущей женой, — рычит в ответ, — а вы лезете.

Блядь! Тупой осел.

— Ярослава, — обращаюсь к ней, — ты хочешь с ним продолжить разговор?

— Нет, — она машет головой, умоляя одним взглядом забрать ее скорее от него.

Вижу, как собирается влага в уголках ее глаз, но она сдер-

живает себя. Не хочет ему показывать свою боль. Мудрая девочка. Знает, что этот гондон воспользуется слабостью женской.

Я делаю шаг вперед и заслоняю своим телом девушку. Ощущаю даже через куртку своей спиной тепло, исходящее от женского тела. Дергает меня от близости. Пускай она даже не касается меня.

— Девушка не хочет с тобой говорить. И, как я понимаю, свадьбы не будет. Товарищ капитан, прошу вас идти заниматься своими прямыми обязанностями.

Я говорю с ним спокойно, не выдавая эмоций. Но он свое еще получит. И за грубость, брошенную мне, и за то, что измывается над девушкой, продолжая ее трепать.

— Ярослава! Ни твоя мать, ни твой отец не позволят тебе отменить свадьбу. Я хотел по-хорошему решить вопрос, — он закладывает руки в карман брюк, ударяет носком ботинка по снегу, отчего тот разлетается в разные стороны, — но, видимо, придется подключать взрослых, более разумных людей. Езжай, — он кивает ей через мое плечо, — все равно вернешься же.

— Не вернусь.

И я верю ей. Она точно не вернется. Такие как она... гордые. Предательство прощать не станут. Откуда знаю? А я, блядь, из такого же теста. Наверно, поэтому и тянет к ней. Понимаю ее очень хорошо.

— Ну-ну, — пренебрежительно усмехается, — давай, ис-

полный дальше свой театр. Свадьба через месяц. Увидимся.

Он машет ей рукой, разворачивается, уже готовый уйти, но девчонка бросает вслед свое последнее слово:

— А знаешь что? — слишком резко звучит ее голос, словно адреналин ей руководит, — а ты прав. Свадьба через месяц. Только вот жених не ты. Я за Глеба Игоревича замуж выхожу. Понял?

Чего, блядь?

В ахуе поворачиваю голову в ее сторону. Она только под моим взглядом осознает, что сказала. Резко прикрывает рот.

Пиздец. Класс. Уходил в отпуск холостым, вернулся женихом. Ну да, Глебыч, в тридцать восемь то самое оно... Приключения на жопу.

Орлов ржет как конь, явно насмехаясь над девчонкой. Она уже сожалеет о сказанном, понимая всю абсурдность ситуации.

И я, блядь, не придумываю ничего умнее, как снова вытащить ее. Только уже не из ледяной воды, а из этого дерьма.

— Поженимся, — обрубаю я, четко, словно приказ отдаю, — Орлов, ждем тебя на свадьбе в качестве гостя.

Глава 8. Ярослав

— Глеб Игоревич, вы простите меня... Я вас втянула во все это, — качаю головой, смотря вперед.

Дорогу прилично замело, видимо, здесь ночью была метель. Глеб Игоревич уверенно объезжает опасные участки на дороге, не сводит взгляда с пути, поэтому я даже не могу прочитать, что сейчас в его глазах.

— Порешаем, — коротко бросает он, и я понимаю, что лучше этот разговор сейчас не поднимать.

Интересный он мужчина, конечно... Видно, что опыт у него богатый, во всех сферах жизни. И ощущается в нем что-то нестигаемое, что человек он принципов и ответственный очень.

Такие доводят дела до конца. Всегда.

— Кириллу что-то будет за то, что он с вами так разговаривал?

— Переживаешь за него? — хмыкает коротко.

— Нет, — пожимаю плечами, — просто интересно.

Кирилл, конечно, сильно перегнул палку. У него отец сам военный человек, не думаю, что ему понравится, если узнает, как его сын говорит со старшими по званию.

Но это уже не мое дело... Надо только разгрести ту кашу, что я заварила. И скорее вернуться домой.

Родители точно не встанут на мою сторону в первое вре-

мя, но я потерплю. Потерять такого зятя, как Орлов, это, конечно, для них будет сложным для понимания. Вернее, потерять в родственниках его отца.

— Посмотрим.

Больше Глеб Игоревич ничего не говорит. Я не глупая, чтобы понять, что на разговор мужчина не настроен.

Устраиваюсь удобнее в теплом салоне автомобиля, сама не замечаю, как под тихие убаюкивающие звуки радио вырубаясь.

Открываю глаза на подъезде к городу.

— А мы куда? — удивленно приподнимаю бровь, когда джип Глеба Игоревича проскакивает мимо ж/д вокзала. Провожая грязно-желтое здание взглядом.

Ловлю боковым зрением, как руки мужчины сжимаются на руле, синие крупные вены выступают из-под кожи. Только сейчас замечаю, что на руке у него старые, еще производства советского союза, часы. С коричневым кожаным ремешком.

— В ЗАГС, — коротко бросает мне, выворачивая с главной дороги. Преодолевает пару зданий, пока я пребываю в шоке, и правда тормозит у здания загса.

— Пошли.

Глеб Игоревич выходит из машины, открывает с моей стороны пассажирскую дверь и протягивает руку. Смотрю на нее, как на что-то инопланетное. Еще больше вжимаюсь в спинку кожаного сиденья.

— Ярослава, — серьезно начинает он, — я слов на ветер

не бросаю. Профессия у меня такая, мало говорить, больше делать. Я же четко дал понять, что мы поженимся, пасовать сейчас не выход. Посмешищем из себя делать не позволю.

— Я же думала... вы просто подыграли.

— Я и сейчас подыгрываю, — пожимает плечами, вытаскивая меня аккуратно из машины, — только играть нужно до конца. Паспорт с собой?

— Да-да, конечно.

— Ну и славно. Сейчас выберем дату, после вернемся в гарнизон. Невеста должна при женихе быть, да и дома тебя пока особо не ждут, как я понимаю.

Он идет спереди, говорит все это, а я на время теряю дар речи.

Как там? Жить с ним? Мы же не знаем друг друга совсем... Так ведь нельзя.

Глеб Игоревич тормозит у деревянной двери, поворачивается ко мне. Взгляд у него такой серьезный, словно он подмечает все тонкости.

— Спать будем в разных комнатах, я помогу тебе с досугом в гарнизоне. У нас девчонки занимаются разными хобби. Месяц, два поиграем в спектакль, а потом разбежимся, сделав вид, что не сошлись характерами. И твоя родня за это время поостынет. Потом отвезу тебя на вокзал, и забудем. Идет?

А разве у меня теперь есть выбор? Сама же его в это втянула... Теперь нельзя заднюю давать.

— Идет.

— Только с бывшим не смей пересекаться, чтобы я в глазах мужиков оленем не был. Поняла, Яра?

Я соглашаюсь на все. А что мне еще остается делать.... Но с бывшим я и сама даже под дулом пистолета видаться не хочу.

Разочаровал меня Кирилл своим немужским поведением. Нельзя так.

Глава 9. Глеб

Девочки, принесла вам Глебыча) вот он наш принципиальный подполковник!

Звание

Подполковник-командир батальона: Руководит мотострелковым батальоном, который является общевойсковым тактическим подразделением, включающим в себя танковые, артиллерийские и специальные подразделения.

Глеб сложный человек, у него тоже есть ствоя тараканы (а у кого их нет), но точно он нем можно сказать, как вы поняли уже, он человек слова. У него была своя история, связанная с женщиной, мы к этому придем чуть позже. Несмотря на то, что его прошлая история закончилась не совсем хорошо, он остался честным мужчиной, который не просто говорит, а делает.

Глава 9. Глеб

Заявление на регистрацию брака не принимают. Оно и понятно, она же уже подавала заявление с другим... Женщина смотрит на нас осуждающим взглядом, а мне прихлопнуть эту мегеру хочется. Ее вообще не должно касаться, как вместо одного жениха оказался совершенно другой. Да и в принципе, люди не должны лезть не в свое дело. Но обычно они это упорно делают.

— Чтобы подавать новое заявление, тот, кто отправлял заявление в первый раз, должен его отозвать через портал госуслуг.

— Ясно, — Яра пожимает плечами и поднимает свои зеленые омуты на меня, — телефон так и не включился после купания. Зайти в госуслуги не смогу пока что.

— Понял, — киваю ей, — вставай.

Я с ней говорю как со своими пацанами. Но это просто привычка. И девушка реагирует на мою такую привычку абсолютно спокойно, хотя помню, какие раньше истерики выслушивал от других пассий... Хотя мы были даже не в отношениях. Я не грубый человек, тем более с женщинами, это просто привычка. И Яра это понимает без дополнительных объяснений.

— Ну вот, приходите тогда, когда заявление будет отозвано.

Женщина выдыхает, словно мы ей надоели, и возвращает наши паспорта.

Беру за руку девчонку, сжимая тонкую ладонь в своей руке. Вывожу ее из кабинета.

— Ну... значит, не судьба, — она пытается пошутить, пожимая плечами, а я вот не разделяю ее веселья.

У нас только один выход — это свадьба. Гарнизон полон сплетен, и мужчины куда более заядлые сплетники, чем женщины. Даже военные. Поэтому новость о том, что я собираюсь жениться, с вероятностью сто процентов разлетелась по

всей округе. Пасовать нельзя. Да и если честно, желание надрать зад этому Орлову ну уж очень велико.

— Значит, вернемся сюда позже и подадим заявление.

Киваю девушке, чтобы шла за мной, а она тормозит.

— Что такое?

— Да неправильно это как-то, — мешкается, — вы не должны мне помогать. Вернее, я безумно благодарна, что вы спасли меня, что спровадили бывшего жениха... Но я не хочу быть проблемой для кого-то.

— Разве я похож на того, кто создает себе проблемы на ровном месте?

Приподнимаю скептически бровь. Помимо того, что я ненавижу вмешиваться в чужие разборки, есть еще одна вещь, которую я на дух не переношу. Это когда за меня пытаются додумывать и решать, что для меня нормально, а что нет. Я ей слова, блядь, не сказал, что мне тяжело. А она уже напридумывала...

— Нет, Глеб Игоревич, вы не подумайте ничего плохого... Но ведь из-за меня и правда у вас будут проблемы. Вы же знаете, кто отец Кирилла?

— Знаю. И?

— Ну, — она тушевается под моим прямым взглядом. Пытается подобрать нужный ответ.

Я же за это время преодолеваю расстояние между нами, встаю вплотную к девушке, ощущая ее тепло и аромат ее волос.

— Не-ну, Ярослав. Я плевать хотел, кто у него там отец. Не нужно додумывать за меня и пытаться решить тоже. Идет? Я очень такое не люблю. Если бы меня что-то не устраивало, я бы этого не делал.

Она молчит, внимательно смотрит на меня. И честное слово, я не знаю, как она это делает, но ее мимолетное движение губ, когда уголки приподнимаются, заставляют меня миг оттаять и снова стать живым человеком. Не тем, кто раздает приказы... А тем, кого я в себе давно похоронил.

— Пойдемте, Глеб Игоревич, — вздергивает подбородок вверх, — буду я вашей женой.

Она дефилирует мимо меня, а я даже не успеваю за ее сменившимся настроением.

Пока Яра располагается в своей временной комнате, которую я ей выделил, сам решаю сгонять в магазин. В холодильникемышь повесилась, нужно девчонку чем-то накормить что ли...

— Люд, мне килограмм макарон, — диктую продавщице местного магазина, — давай еще курицу, картофель. Тоже килограмм. Овощи там... помидоры, огурцы. На утро молоко, хлеб, нарезку.

Пока я тотально закупаюсь, за мной выстраивается приличная очередь.

Расплачиваюсь наличкой, поворачиваю с пакетами к выходу и встречаю товарища в очереди.

— Глебыч, ты че это, научился готовить? Или простав-

ляться будешь?

— А есть повод для проставки?

— Да хуй его знает, — ржет Паша, — ты мне скажи, куда тебе столько жратвы.

— Так у него ж это, — слышу голос из очереди, — невеста же приехала.

Что я говорил про сплетни? Пожалуйста, блядь. Сжимаю до скрипа зубы. Сука, ну не лезть же вам не в свое дело, если не хотите получить по морде. Знаю же, что я могу. Но не буду. Потому что есть правила гарнизона.

— Невеста? — Павел приподнимает бровь, — с каких пор, Глебыч?

— Долгая история, — отмахиваюсь от разговора.

— Ты ж это... ну вроде как...

Я жестом руки прошу товарища помолчать. Не надо сейчас ничего вспоминать. Не время и не место.

— Понял, — тут же отзывает друг, — Слушай, а приходи со своей невестой к нам с Наташкой. Пообщаемся, поужинаем. Да и девушке наверно будет интересно с кем-то из девчонок познакомиться тут. Завтра, например. Что думаешь?

Идея то, в целом, неплохая... И Яре и правда нужно завести знакомства. Я из отпуска выйду, время ей уделять не смогу. А насколько наш спектакль затянется, хер его знает.

— Я спрошу у нее.

— Ну и лады, — товарищ жмет мне руку, — Тогда жду весточку от тебя.

Возвращаюсь в квартиру, отмечая, что внутри стало как-то более чисто. И даже очень приятно. Захожу на кухню с пакетами и вижу, как девчонка в экстремально коротких спортивных шортах, стоя ко мне пятой аппетитной, мать его, точкой, намывает пол.

Блядь... Да ж такое-то с этой задницей. Манит и манит. Ну не подросток же я, облизываться на женские прелести. Давно уже такого нет. А сейчас вдруг ощущаю себя юнцом, подглядывающим за девушкой в женской раздевалке после физкультуры.

— Ой, Глеб Игоревич. Вы вернулись, — девчонка сдувает кудрявые волосы с лица, — а я тут решила немного порядок навести. Надеюсь, вы не против.

— Не против, — голос звучит как-то неуверенно.

Ну давай, Глебыч, ты чего... Соберись, еб твою мать.

— У вас все хорошо? — она удивленно смотрит на меня.

— У меня, блядь, все прекрасно. Вот продукты, — ставлю пакеты на пол, — я по делам. Буду завтра.

Сбегаю. Просто сбегаю от девчонки, потому что ну невозможна какая-то странная реакция. Нужно остыть. Надеюсь, она там лишнего ничего себе не придумала...

И главное, чтобы я тоже лишнего ничего себе не придумал.

Выхожу на улицу, решая прогуляться и остудить пыл. Переночую сегодня у кого-то из мужиков. Или в той же бане.

Иду не спеша, думая о том, как круто повернулась моя

жизнь на последние сутки.

Делаю несколько шагов, как резкий толчок в спину заставляет меня чуть сбиться с пути.

Че за хуйня?

— Со спины нападаешь?

Рычу я, разворачиваясь к капитану Орлову лицом.

— Ну вы же, товарищ подполковник, почему-то решили мне напиздеть, что не знаете, где моя невеста... Ярослава с вами в бане была, да? Трахнули ее, а меня идиотом пытаетесь выставить?

Ну, щенок. Вырвал бы язык.

Глава 10. Ярослав

Я ворочаюсь и не могу уснуть. Мысли атакуют голову как снаряды. Сбрасываю тяжелое одеяло, встаю с кровати и иду на кухню, чтобы попить воды.

Наливаю воду из фильтра и слышу, как открывается дверь. Глеб Игоревич вернулся?

Мимолетным взглядом прохожусь по настенным часам. Два часа ночи.

Он заходит в ванную комнату, плотно закрывает дверь, и через секунду слышен шум воды.

Ставлю стакан на стол, иду к спальне, как замечаю на полу дорожку из одежды. Поднимаю серую футболку с пола, осматриваю ткань и нахожу там кровавые пятна.

Сердце неприятно начинает тарабанить по грудной клетке. Сглатывая вязкий горьковатый ком, возвращаюсь на кухню и сажусь на табурет, ожидая, когда мужчина выйдет.

Глеб Игоревич выходит в одном полотенце, меня не сразу замечает. Он проходится ладонями по мокрой голове, стряхивая капли воды на пол.

Его живот напрягается, а мышцы перекачиваются.

Мужчина бросает взгляд на кухню, где в проеме как раз я сижу.

— Яра? Что-то случилось?

Не выпуская из рук его футболку, поднимаю ее вверх.

— У меня нет. А у вас? У вас все хорошо?

Я даже не обращаю внимания на его поджарое атлетичное тело, на идеально слепленные мышцы, на воду, стекающую по волосатой грудной клетке. Мне все это неинтересно. Мне интересно, что с ним случилось.

Свет из ванной комнаты тонким лучом падает на мужское суровое лицо, на котором я безошибочно нахожу ссадины.

Встаю медленно с табурета, делаю несмелые шаги в сторону Глеба Игоревича.

— Кто это сделал?

— Это не твое дело, Ярослава. Со мной все в порядке, можешь идти спать.

Я не рассчитывала на то, что он станет со мной откровенничать. Очевидно, что нет. И все равно отчего-то упрямо пытаюсь добиться правды.

— Глеб Игоревич, это Кирилл? Вы с ним подрались?

— Я не дрался ни с кем, — резко тормозит меня, — я лишь дал понять ему, как должны себя вести офицеры. Яра, прошу тебя, не нужно заботы и жалости. Для меня, как для человека военного, такие царапины — суший пустяк. Твоего бывшего жениха я тоже особо не трогал. Цел и невредим.

Он хмурит лицо, отчего ссадина над его бровью лопается, и кровь струится по виску вниз.

— Давайте я обработаю.

Не спрашиваю, а скорее утверждаю. Мне хочется его хоть как-то отблагодарить... Ведь он ввязался во все это только

из-за меня. И, конечно, я понимаю, что эти ссадины может и пустяковое дело для него, но я также прекрасно осознаю, чем грозит это, если дойдет до вышестоящего начальства история драки.

Это недопустимо.

Глеб Игоревич не сопротивляется, когда я завожу его на кухню и сажаю на табурет. Щелкаю по небольшому локальному торшеру, открываю ящик, где сегодня видела аптечку. И, смачивая вату в перекиси водорода, прикладываю ее к ране.

Чтобы мне было удобнее, я встаю между ног мужчины. В моей голове нет никаких лишних мыслей по поводу двусмысленности нашей позы.

Аккуратно провожу по всем кровоподтекам, дую на небольшие шрамики.

Глеб Игоревич в какой-то момент резко отшатывается назад, прислоняясь голой спиной к стене.

— Все, Ярослава. Закончили.

— Нет, тут еще осталась одна царапина. Буквально секунда. Потерпите.

Его крепкая грубая рука сжимается вокруг моей талии, прикосновение не сильное, но меня прошибает током.

Он резко встает, теперь я смотрю на него снизу вверх, запрокидывая голову.

— Я сказал, — хрипло выдыхает мне в лицо, — закончили. Доброй ночи.

Глеб Игоревич уходит, а я чувствую расстройство, что могла сделать что-то не так...

Глава 11. Ярослав

— О, ты невеста Глеба Игоревича? Привет!

Не сразу осознаю, что обращаются ко мне, но девушка вновь окликает, и я торможу на лестничной площадке, поворачиваясь к приоткрытой двери.

— А, да. Меня зовут Яра.

Улыбаюсь незнакомке.

— Приятно познакомиться, Яра, — девушка дружелюбно протягивает мне руку, — Я Катя. Будем знакомы. Как, кстати, твой цветок поживает? Все хорошо? Еле спасли его.

— Эм, — теряюсь от ее осведомленности, — Да, все хорошо. Спасибо.

— Да ты не переживай, я не претендую на Глеба Игоревича, — ее голос звенит как колокольчик, — Он начальник моего мужа. Просто пришел ко мне с твоим цветком, говорит у невесты беда. Я помогла пересадить.

Выдыхаю.

Не то, чтобы я планировала ревновать Глеба Игоревича, но наверно это будет более честная реакция, чем быть безразличной.

Так мило, что он попросил помочь с моим цветком постороннего человека. Ему было не все равно.

И отчего то эта мысль греет сердце. Кирилл бы сказал, что это все ерунда, купим новый... Глеб Игоревич без слов

понял, как важен для меня именно этот цветок.

— Ты куда так бежишь?

— Я попросила Глеба Иго... — тут же осекаюсь, прикусывая язык, — Я попросила Глеба, чтобы он нашел мне подработку. Не хочу у него на шее сидеть.

Девушка не замечает моей запинки. Лишние вопросы мне сейчас не нужны.

— Ого, и он согласился?

— Ну да, — пожимаю плечами, — А что такого?

— Да нет, — отмахивается тут же, — Просто Глеб Игоревич хорошо получает, может содержать вас обоих.

— Дело не в деньгах, я не люблю быть без дела.

Она примирительно складывает руки, давая мне понять, что ничего плохого не имела ввиду.

— Ладно, ты беги, — нежно оглаживает мое плечо, тут же вновь располагая к себе, — А вечером заходи в гости, чай попьем, поболтаем. Расскажешь хоть, как ты нашего заядлого холостяка окрутила... Хотя ты такая красавица, немудрено, что Глеб Игоревич поплыл. А он у нас вообще не пловец!

Щеки тут же покрываются пунцовой краской. Обещаю соседке забежать на чай как-нибудь, а сама лечу на работу.

Ну как работу... Так.

Глеб Игоревич договорился с местным магазином, что я буду помогать пару раз в неделю делать приемку товара. В целом, я готова взяться за любую халтуру.

Мне нужно купить новый телефон, у родителей просить

не стану. У Глеба Игоревича тем более.

Я его и так в свои проблемы запрягла.

К слову о родителях, я так и не позвонила матери. Мой телефон сломан. И боюсь представить, в каком гневе мои родители.

Милая женщина, что работает в магазине, меня встречает. Все подробно рассказывает, показывает как принимать товар, какие записи делать, как накладную составлять.

Внимательно ее слушаю, конспектируя все в тетрадь. И через час инструктажа приступаю к работе.

— Яра, дорогая, не подменишь меня на кассе буквально на десять минут, пожалуйста? Мне отойти надо, муж позвонил, попросил забежать. Он у меня с полигона только.

— Да-да, без проблем, — тут же соглашаюсь.

Она уходит, набросил на свою униформу теплую шубку.

Жду покупателей, но никто не приходит. Ну и ладно, продолжу заниматься приемкой.

И как раз в этот момент колокольчик на двери дзинькает, уведомляя о том, что кто-то пришел.

— Люда, ты тут?

Бархатный женский голос разносится по всему магазину.

— Нет, — выхожу к кассе, — Она отлучилась. Я временно вместо нее. Что вы желаете?

— Ты?

Вскидываю голову, схлестываясь взглядами с той самой... Которая была в футболке Кирилла на пороге его квартиры.

— Я! — гордо вскидываю подбородок кверху, — Так что вы желаете? У нас привоз сегодня был. Хлеб свежий, пирожные нежные с кремовой начинкой.

— погоди, — он прерывает меня, выставляя палец вверх, — Ты осталась тут? В гарнизоне?

Она не отступает от своего, пытаясь пролезть под кожу.

— Почему вас это интересует? — одариваю ее холодным взглядом, — Мы с Кириллом расстались... Так что вы можете продолжать свои забавы.

— Да, — она саркастически усмехается, — Кирилл меня особо не интересует. Слушай, а что у тебя на самом деле с Глебом?

Глава 12. Ярослав

— Это вопрос личного характера, я не готова с вами его обсуждать.

Ее пытливый взгляд меня испытывает, она подходит еще ближе к прилавку, отстукивает ритм по поверхности, смотря прямо мне в глаза, словно там ища ответы на свои вопросы.

Усмехается.

— Не знаю, для чего Глеб затеял этот спектакль с женитьбой, — кидает мне с пренебрежением. — Надеюсь, ты понимаешь, что это просто игра. Глеб не из тех, кто женится... Тем более на таких, как ты.

Приподнимаю брови вверх от ее прямого хамства.

— А на каких же он женится? Судя по вашей заинтересованности в Глебе, вас он тоже не жаловал в жены.

Она округляет рот, явно шокированная, что я тоже решилась на дерзость.

В момент, когда наши взгляды начинают враждовать, колокольчик вновь звенит, и в магазин забегают запыхавшаяся Люда.

— Надо же, мой так проголодался... Аж четыре котлеты умял. Аппетит зверский, так и не успеваешь ничего готовить.

Она продолжает щебетать, снимая с себя шубку. Краем глаза замечает покупательницу, тут же оценивает ситуацию

и берет все в свои руки.

— Лера, привет! Как твои дела?

— Да потихоньку, Люда. А я смотрю, у вас новенькие?

Вновь косит взгляд в мою сторону.

Мне хочется ей показать, что она здесь не королева, и что такое пренебрежение к людям ее не красит, но нахожу в себе мудрость и стойкость игнорировать эти выпады.

— Ой, да, Ярочка замечательная девушка, такая способная. Глеб Игоревич очень просил свою невесту пристроить, говорит, что она у него без дела сидеть не любит. Ой, Лера... Ты бы видела нашего Глеба Игоревича, глаза горят, улыбка до ушей. Никогда я его таким не видела.

Лицо девушки тут же меняется, а я понимаю, что Люда подыгрывает мне.

Улыбка благодарности загорается на моих губах.

А вот насчет улыбки на губах Глеба Игоревича она, конечно, перегнула. Ну, максимум там уголок губ дернулся.

Но эту выскочку Люда осадил точно!

— Ладно, чего это я, — тут же отмахивается моя спасительница. — Тебе как всегда? Кефир свежий у нас, сегодня привоз был. Йогурты твои я тоже отложила...

— Ничего не надо, — грубо бросает Валерия, — Потом зайду.

Она гордо вышагивает к выходу, но я чувствую, как задела ее слова Людмилы.

— А, Люда, ты бы смотрела за своими новыми работника-

ми, — каждую букву словно не выговаривает, а сплевывает, — А то девушка ничего мне толком не смогла рассказать и предложить. С такой работницей все покупатели разбегутся.

Она уходит, громко хлопнув дверью, колокольчик от сильного порыва ветра раскачивается и падает на пол.

— Спасибо вам.

— Стерва она! — вдруг резко восклицает Людмила, — И про Глеба Игоревича ничего не слушай... Она такое тебе выдумает. Тьфу. Сама упустила мужика, теперь покоя не даст. Мертвого задолбает.

— Упустила?

— Да, — Люда тут же осознает, что сболтнула лишнего, — Был у них роман, но ничем серьезным не закончилось. Она у нас любительница по койкам скакать, а Глеб Игоревич порядочный мужчина, Ярослава. Ему такие прыгалки не интересны. Не бери на свой счет.

— Я не брала, — и все равно что-то неприятно колет внутри, — Все хорошо. Просто не знала, что она его бывшая.

— Ой, — Люда качает головой, — Ты и Глебу Игоревичу эту тему не поднимай. Он открестился от нее давно... Эта только ходит и задницей крутит. Не светит ей ничего, да и в тебя он явно влюблен по уши.

Эх, Люда-Люда, если бы ты знала, что нас на самом деле связывает с этим суровым подполковником.

Любви там нет...

Да и разные мы с ним, совсем разные. У нас вон какая

разница в возрасте, в увлечениях, в приоритетах.

Он рыбалку любит, а я терпеть не могу запах рыбы.

Он встает в пять утра, а я люблю спать до обеда.

И вообще, чего это я примеряю “мы”?

Это игра, спектакль, нет никаких «нас» и не будет.

А Глеба Игоревича я обязательно отблагодарю за то, что мне помог.

Остаток дня проходит уже не так суетливо, я привыкаю к новой работе, и Люда меня отпускает на полчаса раньше.

В магазине покупаю немного продуктов, чтобы порадовать Глеба Игоревича плотным и сытным ужином.

В квартире пусто, он предупреждал меня, что сегодня уедет в город и вернется поздно.

Сбрасываю одежду, переодеваясь в удобный пижамный костюм лапшу с рюшами нежно-персикового цвета, затягиваю непослушные кудри в тугий хвост и захожу на кухню, замечая посреди чистого и пустого стола белую коробку.

Новый телефон. Новая модель.

И записка размашистым, неровным и чуть корявым почерком:

«Пользуйся на здоровье. И родителям позвони. И заявление отмени на госуслугах».

Казалось бы... Такая мелочь, а внутри все взрывается потоком теплоты и приятного удивления.

Глеб Игоревич, несмотря на всю свою жесткость и военную выправку, невероятно точно запоминает все детали.

Я на скорую руку заканчиваю с ужином, сильно не мудрю: пюре и куриные биточки в сливочном соусе. Просто и вкусно.

На часах девять вечера, Глеба Игоревича все нет. И я вспоминаю, что соседка Катя звала меня на чай, а мне как раз нечем себя занять.

Беру шоколадку с цельным фундуком и иду в гости, стелкиваясь в дверях со своим подполковником. Почти врезаюсь в него, лицом утыкаясь в сильную широкую грудь.

— Сбегаешь?

Хриплый голос касается мочки уха, и я вздрагиваю от неожиданной волны по телу.

— Нет, — быстро лепечу, — Кстати, спасибо большое за подарок.

Глава 13. Ярослав

Накладываю Глебу Игоревичу ужин, и пока он ест, я вставляю в новый телефон симку.

Поход к Кате решаю отложить, Глеб Игоревич прав, нужно как можно скорее отменить заявление. Таким образом я покажу Кириллу серьёзность моих намерений... И что я не шучу.

— Вкусно ты готовишь, Ярослава, — Глеб Игоревич откусывает свежий чёрный хлеб, доедая остатки ужина, — Спасибо. Но ты не обязана этого делать.

— Может, добавки? — тут же вскидываю взгляд на него, — Я это делаю не из долга, а потому что мне нравится готовить и нравится... как вы едите. У вас такой аппетит.

Он прокашливается, словно я что-то слишком личное сказала. Прикусываю губу, опуская подбородок на согнутую в колене ногу.

На новый телефон сыплются сообщения о том, что мать пыталась до меня дозвониться. И отец. И подружка лучшая. Все подряд.

Выключаю раздражающий пиликающий звук, вновь смотрю на Глеба Игоревича, который без какого-либо стеснения прямым взглядом осматривает меня. С головы до пят.

Словно видит впервые.

— Как и вы были не обязаны покупать мне такой дорогой

телефон. И подыгрывать мне. Но вы это сделали. Кстати, почему?

Вопрос я уже задаю шёпотом.

Глеб Игоревич придвигается ближе, ставит локти на стол, опираясь на свои руки. Взгляд продолжает сканировать.

Он так смотрит... Я вообще никогда в жизни не видела такие глаза. И дело не в их цвете, а дело в том, что они у него честные. Словно он ничего не скрывает.

Все что думает, то и говорит.

— Если бы я знал ответ, — спустя пару минут всё же начинает говорить, — Просто... решил помочь.

— Просто так ничего не бывает.

Улыбаюсь краешком губ.

— Может, ты мне понравилась. Как женщина.

Его слова застают врасплох, я покрываюсь яркой красной краской. Прячу лицо, опуская его вниз.

Глеб Игоревич говорит это так прямо, так откровенно. Так легко.

И кажется мое смятение заставляет его разбавить обстановку.

— Расслабься, Яра, — ударяет ладонями по столу, — Я пошутил. Но твоя реакция того стоила.

Шутка меня задевает.

Почему? Я и сама не знаю... Просто обидно, а что я не могу понравиться такому мужчине, как Глеб Игоревич?

Сильному, надёжному, умеющему держать слово и выпол-

нять обещания.

Интересно, а какие вообще женщины нравятся таким мужчинам?

— Я не напрягалась, — нацепляю улыбку, хотя волнение всё ещё бьёт током по всему телу.

Между нами воцаряется пауза, ни я, ни Глеб Игоревич больше не находим друг для друга слова. И как раз мой новый телефон разрывает тишину, разряжая обстановку.

— Мама, — сообщаю мужчине.

— Ответь лучше. Они не успокоятся.

Выдыхаю и провожу по сенсорному экрану.

— Ярослава! Это что за дела такие, а? Ты решила нас с отцом опозорить?! Мы тебя так не воспитывали! Мы завтра же приезжаем в гарнизон и забираем тебя домой.

Голос родительницы звенит, он полон ярости и гнева.

Мать редко бывает злой, но она всю жизнь держала меня под контролем. Ей было важно следить за тем, как я одеваюсь, с кем общаюсь, куда хожу...

Если в детстве это не особо напрягало, то в подростковом возрасте я стала скрывать своих друзей и увлечения.

— Мам, — после всей её тирады я беру слово, — Не нужно приезжать. Я замуж выхожу.

— Вы помирились? Ярослава, а почему трубку не берёшь тогда? Кирилл тоже как партизан молчит. Вы нас так в гроб раньше времени загоните, честное слово.

— Не помирились...

— А как же тогда? Ничего не понимаю, дочка. Нормально ты объяснить можешь, что происходит?

Могу, но не хочу. И судя по тому, что Глеб Игоревич берёт в руки мой телефон, он замечает все мои метания.

— Добрый вечер, подполковник Макаров. Я жених Ярослав. Приезжайте к нам в гости в гарнизон. Будем рады. Как раз познакомимся и обсудим предстоящую свадьбу. Вы ваши данные мне пришлите смской, Яра вам даст мой номер. Я пропуска вам с супругом сделаю. Всего доброго, до встречи!

Мать замолкает. Даже дыхание её не слышно.

Глеб Игоревич передаёт мне в руки обратно телефон, вставая со стула.

— Я спать, устал за сегодня. Ещё раз спасибо за ужин, любимая.

Последнее слово говорит громче, чтобы мать услышала.

Мощная мужская фигура покидает кухню, и я дрожащей рукой прикладываю телефон к уху.

Так. Ну что... Теперь точно обратного пути нет. Теперь только в ЗАГС.

Глава 14. Ярослав

— Ну что, может отметим? Невестушка!

Глеб Игоревич придерживает меня за руку, пока мы спускаемся по скользким ступеням здания загса.

Я все еще не верю в то, что подала заявление на бракосочетание с мужчиной, с которым знакома без году неделя. И самое главное, я не ощущаю никакой тревоги или мандража.

Словно так и должно быть.

Улыбаюсь мягко мужчине, когда он аккуратно меня ловит на последней ступеньке, потому что я была бы не я, если бы не оступилась.

— Аккуратнее, белоснежка, — наши лица в сантиметре друг от друга. Я никогда еще не была так близко к нему, даже когда обрабатывала его раны.

— Спасибо, — киваю, — Гномом вас называть не буду.

Глеб Игоревич иронично закатывает глаза, усмехаясь.

— Мы еще не поженились, а невестушка уже язвит.

Не знаю... С ним так легко. Он никогда ни на что не обижается, и я уверена, что в его настройках даже нет таких слов, как обида. Он всегда выполняет то, что говорит. И никогда не говорит в пустоту...

Меня это приятно поражает.

Не то, чтобы Кирилл был пустословом, но у нас были периоды в отношениях, когда его слов было больше, чем дей-

ствий.

Мне не с чем было сравнивать, но сейчас я чувствую разницу. И она колоссальна.

— Так что? Отметим?

— А давайте!

Почему бы и нет?

— Яра, — Глеб Игоревич резко тормозит у машины, поворачиваясь ко мне, — Может, хватит выкать? Как-то это неправильно. Я понимаю, что ты девушка воспитанная, но лучше будет, если обращаться ко мне на «ты». И называть просто Глебом. Идёт?

Примеряю сначала на языке, как будет звучать его имя... Он ждёт моего ответа.

И с выдохом все же шепчу:

— Хорошо, Глеб. Давай на «ты».

Мы приезжаем в уютный ресторан, он не помпезный, без лишней вычурности, здесь не очень много народу, но безумно тепло, пахнет вкусной едой и ненавязчивым сервисом.

— Я не ходок по ресторанам, — Глеб ведёт меня к столику, — Но это место люблю. Здесь очень вкусно готовят.

Нам приносят меню, у меня разбегаются глаза от обилия блюд. Глеб предлагает попробовать ассорти шашлыка, который, по его словам, здесь готовят божественно. Мы берем ещё тарелку овощей и свежий армянский лаваш.

Глеб заказывает мне бокал красного вина, а себе воду без

газа. И кофе.

— Ты здесь был с девушкой?

— Почему ты об этом спрашиваешь? — приподнимает бровь, складывая руки на столе.

— Просто из любопытства, — пожимаю плечами, — Здесь приятная музыка, можно потанцевать, и, несмотря на то, что мы заказали тонну шашлыка, атмосфера все еще располагает к романтике.

Глеб озорно улыбается, совсем как мальчишка. И я впервые отмечаю, какая красивая и теплая у него улыбка. Настоящая, без лишнего пафоса. Редкая, но такая... живая.

— Нет, Ярослава, здесь я был с мужиками. Даю тебе слово, медляк с ними не танцевал. Хотя один очень настаивал.

Своими шутками он легко разряжает обстановку. Я смеюсь в полный голос, не стесняясь, что наш столик может привлечь лишнее внимание.

Наконец нам приносят огромное блюдо с мясом, свежей зеленью, невероятно ароматными помидорами, которые не так легко найти зимой. Живот тут же призывно начинает урчать, требуя скорее вгрызться в сочный кусок.

— Вот это аппетит, деточка. Буду много работать, чтобы тебя кормить больше.

— У меня по генетике в роду были тётки с большими попами, так что так себе идея.

— Мне твоя попа нравится, — он не вкладывает в эти слова никакого лишнего подтекста, но застаёт меня врасплох,

— Прости, я не то имел в виду. Просто в бане случайно разглядел.

— Случайно?

— Поймала, не случайно. Но, Ярослава, я могу сказать тебе честно, ты красивая девушка, и фигура у тебя потрясающая. Ни в коем случае не думай, что измена этого идиота из-за того, что с тобой что-то не так. Нет. Проблема только в нём.

Его взгляд прямой, словно он в душу мне заглядывает и достаёт оттуда все страхи и сомнения.

Глеб протягивает руку, аккуратно и нежно сжимает мои тонкие пальчики. Просто, чтобы поддержать.

— Судя по тому, что та девушка... с которой он мне изменил, сказала, что это всё несерьёзно. Полагаю, что для него это был и правда просто секс. Но я всё равно прощать не стану.

— Умница, — одним кивком даёт мне понять, что полностью на моей стороне, — А что за девушка была? Ты её знаешь?

— К сожалению, теперь да. Она заходила в магазин и спрашивала про вас... то есть про тебя. Все ли у нас серьёзно. Лера, кажется.

От одного имени лицо Глеба в секунду мрачнеет. Он резко замолкает, перестаёт есть, откладывая вилку.

И, извинившись, удаляется в уборную.

Кажется... Между ними было что-то большее, чем просто

секс. И она не просто так интересовалась Глебом.

От осознания, что между ними были чувства, мне почему-то резко становится гадко и ужасно тоскливо внутри.

Глава 15. Глеб

Умываю лицо ледяной водой, дважды ударяю кулаком в стену.

Блядь! Сука!

Злюсь... Только не понимаю, на кого больше — на себя за то, что даю реакцию. Что у меня всё ещё есть реакция на эту суку.

Или на неё за то, что так отравила мою жизнь.

Смотрю на себя в зеркало. Глаза полны ненависти и злости, плотно сжатые губы и выпирающие скулы. Грудная клетка ходит ходуном.

Отмахиваюсь от непрошенных мыслей и воспоминаний, делаю глубокие вдохи и такие же глубокие выдохи. Я не хочу пугать Яру своим поведением, она не видела меня таким, и пусть лучше никогда не увидит.

Хотя наше «никогда» уж слишком короткое. Как бы мне не нравилась девчонка, я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что не пара ей. И что рано или поздно наши пути разойдутся.

В уборную заходят мужики, громко переговариваясь. Я вытираю насухо руки и покидаю сортир, возвращаясь к девушке.

Ярослава выглядит задумчивой, смотрит в окно, разглядывая как пушистые хлопья снега падают на освещённую яркими фонарями дорогу. В зале играет живая музыка, что-то

типа джаза, я не разбираюсь в жанрах так детально, но она расслабляет и заставляет мысли не хуярить по всей черепной коробке.

— Потанцуем? — аккуратно спрашиваю девушку, протягивая ей свою руку.

Она отвлекается от окна, моргает удивлённо своими большими дьявольскими глазами. Пушистые ресницы то взлетают вверх, то падают тенью на лицо.

— Давай, — ласково беру её за ладонь, не дожидаясь ответа, — Мы же отмечаем.

Она хихикает аккуратно, морща свой носик. И всё же позволяет мне вести в танце.

На танцполе кроме нас никого. И я чувствую стеснение девушки, ощущаю, как её тело слегка подрагивает.

Опускаю руку на поясницу, сквозь ткань чувствую, как горит девичья кожа. Ярослава прячет лицо у меня на груди, не осмеливаясь смотреть в глаза.

Да я и сам рассматриваю кудрявую макушку, незаметно для девушки вдыхая её аромат.

— Ты разозлился?

— Нет, — быстро отвечаю, надеясь, что мы не вернёмся к той теме, — Не переживай. Я улажу этот вопрос, больше тебя никогда донимать не будет.

— Хорошо, — тут же соглашается, но я слышу нотки недоверия, которые она прячет за скромной мягкой улыбкой.

У меня появляется возможность вблизи рассмотреть девушку ещё больше. Каждый контур внимательно изучаю, осознавая с каждой минутой, что её лицо если и не было вылеплено скульптором, то точно создано было идеальным.

У неё ровная гладкая кожа, словно фарфоровая. Мягкие изгибы, припухлые губы, ямочка над верхней губой.

И всё это чертовски манит.

Я же мужик, блядь. И моё тело реагирует на красивую девушку определёнными рефлексам.

Она ещё ближе прижимается, когда танцпол начинает заполняться другими парами.

— Расскажи о себе, Глеб. Мы так мало друг о друге знаем.

— Спрашивай, — выдыхаю в её макушку, — Всё, что хочешь.

— Почему ты решил стать военным?

— Не знаю, — честно пожимаю плечами, — Никогда об этом не задумывался. Я не действовал из чувства желания, просто двигался по жизни. И вот она привела меня в офицерский состав.

— У тебя есть мечта?

Да. Блядь. Когда-то у меня была мечта, но я её похоронил. Глубоко внутри, закрыл на все замки и обещал, что не вспомню.

До этой минуты не вспоминать получалось.

— Нет. Я рациональный человек. А мечты — это что-то эфемерное.

— А я верю в то, что они сбываются, — сама того не замечая, Ярослава начинает водить ладонью по моей груди. Кровь приливает к паху, и я чувствую, как невинные женские поглаживания заставляют меня ощущать себя пацаном, у которого не было даже первого поцелуя.

— Верить нужно. Но надеяться лучше на себя.

Слава богу, композиция заканчивается. И я возвращаю девушку за стол.

Она смущённо отводит глаза, выпивает бокал вина почти залпом.

Присвистываю её скоростям, подзываю официанта, заказываю ей ещё один бокал красного сухого.

Нужно расслабиться. Мне бы тоже не помешало, но я потом. Сейчас за рулём.

— Итак. Продолжим. Кто твои родители? Откуда ты?

Глава 16. Глеб

Ура, наконец-то принесла вам красавицу Яру)

Ярославу основательно развезло после трех бокалов вина.

Видно, что девчонка не из тех, кто часто пьет.

Да скорее всего вообще почти не пьет.

Закрываю счет, беру девушку под руку и помогаю сесть в машину.

— Уф, — прикрывает глаза. — Больше никогда в жизни не буду пить.

Усмехаюсь. Она такая забавная, когда пьяненькая. И смешно надувает губки.

— Никогда не говори никогда.

— Нет, Глеб, я серьезно. У меня такие вертолеты летают, ужас, — она резко поворачивает голову к окну. — Ой, смотри, там лиса.

Я не успеваю заметить животное, но девчонке верю, потому что в наших краях лисы — довольно частое явление.

Пока мы едем до гарнизона, она засыпает. И в квартиру я заносу Яру на руках, встречая на лестничном пролете Екатерину.

— О, жених и невеста, — весело щебечет девушка. — Смотрю, у вас романтика в самом разгаре.

— Тише, — прошу девушку. — Спит.

— А, ой. Простите.

Катерина весело хохочет, я ей улыбаюсь вежливо, еще раз поблагодарив за помощь с цветком.

Несу Ярославу на руках, она такая легкая — не то, что тогда, в мокрой одежде. Ее вес сейчас ощущается как пушинка.

Второй рукой открываю замок. Пинаю ногой дверь, и, чтобы не разбудить девушку, заносу ее в квартиру, не включая свет.

Укладываю ее на кровать, снимая обувь и верхнюю одежду.

Остается вопрос: нужно ли снимать остальное... Вроде как у меня уже был опыт в раздевании тогда в бане... С другой стороны, там была веская причина, а сейчас?

Ох, блядь. Давно себя таким смятенным не ощущал.

Решаю не раздевать Яру, прикрывая ее тело теплым одеялом. Стоит мне сделать шаг от кровати, как рука с тонкими пальцами обвивается вокруг моей кисти.

— Стой, — тихо шепчет. — Не уходи. Мне плохо.

— Может, в туалет, Яра? Или давай я тазик принесу.

— Нет, — машет головой. Я щелкаю по светильнику на прикроватной тумбочке, и комната погружается в мягкий свет. — Вот тут больно!

Она тычет себя пальцем в грудь.

— Понимаешь?

Я-то, блядь, понимаю. Очень хорошо понимаю.

— Посиди со мной, Глеб. Только не уходи, пока я не усну.

Ладно?

— Хорошо, — сжимаю ее руку крепко. — Сейчас, погодие, я дверь закрою на замок.

Возвращаюсь к девушке, сняв с себя верхнюю одежду. Я думал, она уже уснула, но нет, лежит и смотрит в потолок.

— Как дела? — опираясь о дверной косяк, складываю руки на груди.

— Все также, — невесело усмехается, а потом резко поворачивает голову в мою сторону. — Полежишь со мной?

— Яра, не думаю, что это хорошая идея.

Девчонка пьяна, я не хочу выглядеть как тот, кто воспользуется ее положением.

Дерьмо, а не идея.

— Почему? — приподнимается на локтях. — Просто полежать, Глеб. Я не прошу ничего такого... Мне так одиноко и грустно. Ну, давай, иди сюда. Я расскажу тебе сказку.

Девушка корчит смешную рожицу, и я не сдерживаюсь от улыбки. Ложусь рядом поверх одеяла, она пристраивается сбоку, укладывая свою голову мне на плечо.

Ее кудрявые волосы щекочут нос, а ее запах вновь впитывается в мою кожу.

Чувствую, как все мое мужское естество дает о себе знать, сжимаю кулаки и челюсть, чтобы перенаправить напряжение от паха в другие мышцы.

Ярослава и правда рассказывает какую-то сказочную историю по ролям, голос из-за вина у нее забавный, и немного

заплетается язык.

Отвлекаюсь на ее речь, стараясь не фокусировать внимание на ее руке, которая водит по одеялу, где мое бедро.

Это она так, блядь, сказочный лес показывает...

— Глеб, ты слушаешь? Или тебе неинтересно?

Она приподнимается и заглядывает мне в глаза.

— Слушаю. Интересно.

— Врать ты, офицер, не умеешь, — толкает меня в грудь, не удерживает равновесие и начинает падать прямо на меня.

Клюет случайно своими губами по моей скуле, задевая кончиком носа край губы.

Я, мать его, проклиная эту ебанную физиологию мужскую.

От стыда девчонка прячет свое лицо у меня на груди, а я обхватываю пышные волосы рукой, наматывая их на кулак. Поднимаю аккуратно ее голову.

Не дышим оба.

Я себя умоляю не делать хуйни... Просто договариваюсь сам с собой, смотря прямо в колдовские зеленые ахуенно красивые глаза.

Она тоже замирает.

— Поцелуй меня, Глеб.

Хочу. Дико хочу попробовать ее губы на вкус. Но понимаю, что нельзя так.

— Нет, — резко отвечаю. — Прости, не могу.

Вскакиваю с кровати и ухожу в ванную комнату.

Сука!

Я был готов просто наброситься на нее, но она потом будет жалеть, а мне это нахуй не надо.

Завтра она ничего не вспомнит, а я буду как идиот себя чувствовать.

Да и не должен я пользоваться моментом, хоть он так и располагает. Она явно любит все еще своего сосунка, а быть таблеткой, тем более на одну ночь... Нахуй не надо.

Когда выхожу из ванной комнаты, дверь в спальню, где поселилась Ярослава, уже плотно закрыта.

Выдыхаю со свистом и сам отправляюсь спать с диким стояком.

Пиздец! Не было проблем, теперь их дохрена.

Глава 17. Ярослав

Я открываю глаза, чувствуя, как пульсирует голова в районе висков и затылка. Во рту неприятная горечь и немного тошнит.

Кошмар... Три бокала красного вина просто меня убили. По-другому это не назвать.

Резко поворачиваю голову вбок, отчего она сильнее начинает гудеть. Зато на прикроватной тумбочке замечаю стакан с водой и блистер с таблетками.

Глеб... Позаботился.

На секунду забываю про боль и коротко улыбаюсь, а потом резко и еще более пульсирующе, чем боль, в голову врезаются воспоминания вчерашней ночи. Вернее, то, как я бесстыдно приставала к Глебу.

Со стоном закрываю глаза, тело покрывается испариной и красными пятнами.

Молодец, Яра. Показала себя во всей красе.

Так, что же делать? Сделать вид, что ничего не было? Ну, это как-то по-детски, так лучше не надо.

Сделать вид, что всё нормально? Так вроде и правда всё нормально.

Как же тяжело думается с похмелья.

Нужно извиниться! Да! Точно.

Скидываю с себя одеяло, неустойчивой походкой иду в

первую очередь в ванную комнату, где холодный душ приводит меня в чувства. Не то чтобы в голове прям появляется ясность ума, но уже намного лучше.

Следом выпиваю лекарство, оставленное Глебом. От завтрака отказываюсь, потому что от мыслей о еде начинает тошнить.

Глеба в квартире нет, а значит, у него дела, и когда мужчина вернется, я понятия не имею.

Решаю устроить себе детокс и отдых, тем более на работу сегодня в магазин не нужно.

Щелкаю пультом от телевизора, включая на фон какое-то тупое шоу, но хорошо расслабляющее мозги.

Не успеваю погрузиться в отдых, как тут же звонит мама, словно чувствуя, что её идеальная дочь что-то натворила. Хотя в последнее время моя идеальность страдает.

И мне даже нравится вести себя иногда не так, как ожидают того от меня другие. Это здорово... Чувствовать свободу и легкость.

— Да, мам, привет, — хрипло отвечаю, — Если ты снова решила читать нотации, то не стоит. Я не расположена к поучительно-назидательным разговорам.

— Ты заболела? — хмуро интересуется родительница, — Голос хриплый.

— Нет, всё хорошо. Просто поперхнулась.

Прокашливаюсь, чтобы мы сейчас не начали обсуждать, наделала ли я шапку и в чем хожу на улицу.

Гиперопекающая мать... Это тяжело. С одной стороны, кажется, что вокруг тебя так много заботы и любви, на самом же деле это просто контроль. И он очень сильно обрубает крылья.

— Ладно, — нехотя соглашается, — Я вот что звоню... Пропуска нам с отцом сделаешь? Ну, вернее, не ты, а твой этот. Прости, господи. Яра, он вообще кто?

— Жених. Мы вчера заявление в загс подали.

— Какой же сюр! — вскрикивает родительница, но потом резко успокаивается, — Так, ладно. По телефону такие вещи не решаются. Мы с отцом приедем завтра ближе к вечеру, успеют нам пропуска сделать?

— Я спрошу, мам, у Глеба. И перезвоню тебе.

— Хорошо, — соглашается недовольным тоном, — Но не думай, что мы с отцом едем к тебе с миром, Яра.

— Вы едете с войной?

— Не смешно! Просто ничего непонятно, дочка. И я, и отец в полной дезориентации от твоих последних выходок. Я заканчиваю этот разговор, чтобы мы с тобой не поссорились. Жду от тебя новости по пропускам.

Мы прощаемся, но после разговора остается неприятный осадок.

Они с отцом точно будут пытаться меня переубедить, вразумить... А Глеба... Глеба они будут пытаться вывести на чистую воду.

Но я-то знаю правду. Это я его в это втянула. Его вины

ни в чем нет.

От мыслей отвлекает щелчок замка. Тут же прямо сажусь, подбирая под себя ноги. Готовлюсь к встрече, стараясь выглядеть естественно и непринужденно.

— Доброе утро, — здоровается, как только встречает взглядом мою фигуру на диване, — Вернее, уже вечер. Как самочувствие?

— Уже лучше. Спасибо за таблетки.

— Да, бывает, — пожимает плечами, — Я сам по молодости бывало мог перебрать или не уследить. Не переживай.

— Я не переживаю, — хотя тут я вру, нервно дергая ткань футболки, — Я ничего не приготовила, прости, не очень себя чувствовала.

— А ты и не должна, — он заходит в комнату, окидывая меня абсолютно простым взглядом, словно я вчера не приставала к нему, — Готовка это не обязателька, Яра. Я не считаю, что женщина должна и так далее. Мне приятно, безусловно, но я не принуждаю.

— Да, я знаю, Глеб. Спасибо. Просто это моя благодарность тебе.

Он машет рукой, мол, что ничего страшного.

Выходит из комнаты, и когда его фигура замирает в дверном проеме, я резко окликаю мужчину:

— Глеб, стой.

— Что такое?

— Я, — облизываю вмиг пересохшие губы, — Прости за

вчера. Я вела себя немного... развязно. Видимо, алкоголь меня сильно расслабил. Не хочу, чтобы ты думал, что я... Ну.

— Что ты что, Яра?

На его губах возникает лукавая усмешка. Он делает шаг вперед, ближе к дивану, где я сижу.

— Ну, что я такая... пристающая.

— Пристающая? — изгибает бровь, двигаясь вперед.

Его руки опускаются на подлокотник дивана, Глеб нагибается, и его лицо оказывается совсем рядом.

Шарю бегающими глазами по мужественному лицу с отросшей щетиной, пытаюсь понять, что нужно делать. Или говорить.

— Ну да. Я просила тебя поцеловать меня.

— Я не поцеловал, — кивает, — Но не потому что не хотел, Яра.

— А почему?

Он совсем близко. В сантиметре от губ. Наши глаза устремляются друг на друга, словно мы изучаем взгляды.

— Потому что... — обхватывает меня за шею горячей ладонью, — Об этом не просят.

Глава 18. Ярослав

Глеб касается моих губ. Он не спешит, не торопит меня, словно дает время нам обоим принять новое ощущение.

Я вздрагиваю всем телом, когда подушечки его пальцев проходятся по задней части шеи, посылая по мне разряд тока.

Глаза закрыты, но я безумно хочу их открыть и посмотреть на лицо мужчины.

Какое оно, когда он целуется? Такое же суровое и серьезное или там появились новые эмоции?

Но, как трусиха, не открываю глаза. Правда, становлюсь чуть смелее, закидывая свои руки на массивные плечи.

Глеб двигает губами осторожно, словно спрашивая разрешения, как далеко он может зайти. И эта прелюдия, томительная ласка и ожидание срывают какие-то мои личные, внутренние барьеры.

Потому что я резко подаюсь вперед, обхватываю мощную шею своими руками и сама углубляю поцелуй, пуская его язык внутрь моего рта.

Глебу достаточно секунды, чтобы оценить обстановку, и снова инициатива переходит на его сторону.

Мужские чуть сухие губы сжимают мой рот в жадном прикосновении. Я стону, потому что сдерживать свои чувства не

получается.

Этот поцелуй не похож на то, что я испытывала раньше. С Кириллом.

Словно с Киром все было предсказуемо и заранее понятно, а с Глебом я не знаю, куда нас заведет дальше.

Он опускает руку с моей шеи, скользя ладонью вдоль лопаток, обхватывает мою талию, дергая на себя.

Теперь я почти вжата в его торс, наши грудные клетки движутся в унисон, поднимаясь при вздохе и опускаясь при выдохе.

Мне не хочется, чтобы этот момент заканчивался. Даже если у меня уже не хватает воздуха в легких, я готова не дышать, но продолжать целоваться с ним.

Моя голова, тело словно не принадлежат мне, потому что я совершенно ими не руковожу.

Когда рука Глеба забирается под футболку, касаясь голой поясницы, дверной звонок резко заставляет нас остановиться.

— Блядь!

Глеб отпускает меня, и когда мы рассоединяемся, мне становится холодно и неуютно.

Он пересекает размашистым шагом коридор, резко дергая на себя дверь.

— Слушаю.

— Товарищ подполковник, вызывают.

— Я в отпуске, — резко отвечает.

Я вижу, как напряжена его спина, как он недоволен тем, что нас прервали. И я уверена, что мы бы зашли слишком далеко. Непозволительно далеко...

— Говорят, срочно.

— Принято.

Он захлопывает дверь с глухим стуком, опирается рукой на нее, глубоко дыша.

— Тебе нужно идти? — я наконец подаю голос.

Он говорит чуть хрипло и совсем тихо:

— Да.

Диалог не складывается, и я начинаю переживать, что что-то не так. Что-то не так между нами...

Он сожалеет? Или он осознает, что мы перешли какую-то черту?

Романтическая ерунда быстро вылетает из моей головы, как только в нее поселяются сомнения.

— Я буду поздно, — коротко бросает мне. — Не жди меня.

— Ладно.

Тревога, непонятно откуда взявшаяся, поднимается к горлу, настойчиво пульсируя.

— Глеб, подожди... — резко останавливаю его, когда он выходит из квартиры.

— Что такое?

Наконец он смотрит на меня, прямо глаза в глаза. И я не понимаю, отчего они такие холодные. Такие чужие.

— Мама звонила. Они с отцом планируют завтра вечером приехать. Ты сможешь сделать пропуск, пожалуйста?

— Хорошо, сделаю. Без проблем.

— Спасибо.

Он коротко кивает и выходит из квартиры, оставляя меня одну. Пустота в помещении ощущается иначе, я словно синхронизируюсь с этой тишиной.

Почему он стал вдруг таким холодным? Почему он так резко изменился?

И до самого вечера я больше не могу думать ни о чем, кроме того, что было между нами.

А между нами точно что-то было... Что-то большее, чем просто прикосновение губ.

Глава 19. Глеб

— Да уж, Глеб... Удружил, — Матвееич устало потирает лоб и тяжело дышит, — Мне по твою душу аж оттуда звонили!

Вскидывает указательный палец вверх, качая головой.

Усмехаюсь. Нет, ну прям оттуда ему вряд ли звонили. Рановато мне как-то туда уходить.

— И что говорит небесная канцелярия?

Губы все еще горят после поцелуя с Ярой. В штанах не просто каменный стояк, там член, готовый взорваться в любую секунду.

Я стараюсь думать о чем угодно, лишь бы не вспоминать, как было ахуенно с ней целоваться. И трогать ее тоже было ахуенно.

Слава богу, что я понадобился Матвееичу, иначе сам бы себя не остановил. А черту переходить нельзя.

Или можно? Блядь, какого хуя я себе запрещаю?

Злюсь сам на себя из-за того, что воспитан, мать его, правильно. В джентльмена решил поиграть. Яра вроде как и не против была продолжения, это я себе мозг ебу.

— Не смешно, Глеб! Ты знаешь, кто такой Орлов?

Так, ну теперь понятно, куда дорожка нелегкая ведет.

— Много в стране Орловых, товарищ полковник.

— Зато один очень известный нам всем, — бьет ладо-

нюю по столу, — Генерал. Орлов Вадим Юрьевич. В Москве сидит, а к нам сына отправил своего. И знаешь, как-то все так сложилось, что генеральский сын утверждает, что ты, Глеб, увел его невесту. Тебе, мать его, баб мало что ли? Бери любую... Нет, ты выбрал именно ту, которую трогать было нельзя.

— Товарищ полковник, она не вещь... Это раз, — чувствую, как начинаю закипать от злости. Вот же сосунок, тут же побежал папаше жаловаться, — Во-вторых, у нас с Ярославой назначена свадьба уже. Вы, кстати, приглашены. И в-третьих, Кирилл Орлов изменил девушке. И она чуть не провалилась под лед. Я могу еще дальше рассказывать.

— Не надо, — взгляд Матвееича меняется, — Как под лед?

— Вот так, — развожу руки в стороны, — Она приехала к жениху, а он там с другой. Девчонка на стрессе чуть не утопилась. Не специально, конечно... Но если бы я в тот день не решил порыбачить, товарищ полковник, то у нас в гарнизоне был бы труп.

— Тьфу ты, — машет на меня рукой, — Сплюнь.

Тут же стучит по деревянному столу три раза.

— И что делать? Он же просто так не оставит это, Глеб.

— А я Яру никому не отдам, так понятно?

Полковник резко замолкает, потом отводит взгляд. Улыбается коротко.

— Влюбился?

— Это не имеет отношения к делу, — рычу от злости. Снова, блядь, в голову лезут ее губы, тело это податливое, как пластилин, стоны еще эти... — Я обещал ей, что буду оберегать. Этим я и занимаюсь.

— Так, ладно, — резко встает, — Решу вопрос. Переговорю со своими, может помогут. Но ты, Глеб, с парнем не связывайся. Понял? Не дай бог лицо ему подпортишь, сразу рапорт на стол.

— Да нахуй он мне не сдался.

— Тихо ты! — тут же рявкает, как на мальчишку. Я уважаю Матвееича, он крутой мужик, многое мне дал.

— Не переживай, Матвеич, — перехожу на более дружеский формат разговора, — Я решу вопрос. У тебя не будет проблем.

— Свадьбу может у нас в гарнизоне сыграем, а? Давно посиделок не было.

Улыбаюсь полковнику широко. Не знаю, я вообще не думал о том, как мы с Ярой будем праздновать.

Но одно я понял точно... что свадьба будет в любом случае. Хочу ее себе.

Эгоистично, нестерпимо сильно, ужасно по-собственнически, но привязать к себе хочу всеми нитями.

С ней так нельзя... Если захочет потом развод, я дам. А пока. Пока я буду наслаждаться.

Потому что раньше и не видел таких, как она. Не встречал такую искренность, открытость, мягкость, нежность...

Блядь. Все.

— Поплыл как сливочное масло на жаре, — тут же замечает Матвеич.

Выхожу из кабинета полковника, не решаясь вернуться в квартиру. Просто потому что мы оба должны с ней привыкнуть.

Я дам ей время, чтобы она для себя поняла, что значил для нее этот поцелуй.

Потому что я уже все понял про себя.

Глава 20. Ярослав

— Не суетись, все хорошо, — Глеб берет меня за локоть, останавливая посреди коридора.

Забирает из моих рук салатницу с овощным салатом.

— Я отнесу сам на стол, сядь и подыши.

— Ты не понимаешь, Глеб. Моя мать обязательно найдет к чему придраться. Я хочу минимизировать ее замечания.

— Яра, — он аккуратно и чертовски нежно убирает выпавшую прядь волос мне за ухо, — Я рядом, помни это. Если я увижу, что на тебя нападают, то защищу.

Мои глаза загораются после его слов. Я верю, что Глеб защитит. Он не из тех, кто говорит просто так, чтобы сотрясти воздух.

После того поцелуя мы больше не поднимали тему касательно нас, вернее мы ее вообще не поднимали. А с новым днем появились новые заботы.

Я начала готовиться к приезду родителей, а у Глеба были дела в городе.

Так что и времени особо не было обсудить. Но взгляды, прикосновения, пускай и такие мимолетные, они говорят куда больше, чем просто слова.

Да, вчера Глеб ушел холодным и отстраненным, но я слышала, как ночью он вернулся. И я не побоялась выйти в коридор, чтобы встретиться с ним.

За секунду в темноте, в тесном коридоре, воздух между нами и пространство наэлектризовалось. Я чувствовала его биение сердца даже на расстоянии.

Мы коротко пожелали друг другу спокойной ночи, но у меня ее не было. Всю ночь я вертелась в постели, крутила в голове мысли о том, куда мы теперь движемся с ним.

И означал ли этот поцелуй для него что-то?..

Потому что для меня определенно значил.

Когда время неумолимо приближается к семи, я начинаю тревожиться и сильно переживать. Глеб уходит на КПП встречать моих родителей, а я тем временем заканчиваю сервировку стола и переодеваюсь.

Надеваю легкое платье с поясом на талии, волосы собираю в мальвинку.

На губах блеск персикового цвета, на глазах только тушь.

— Проходите, пожалуйста. Располагайтесь.

Выхожу в коридор как раз в тот момент, когда Глеб помогает моей матери снять шубу. Она меня не сразу замечает, зато отец одаряет хмурым взглядом.

— Здравствуй, дочь.

— Привет, пап, — коротко киваю ему и подхожу, чтобы обнять родителя.

Наши отношения с отцом никогда не были сильно теплыми, вернее... Меня сложно назвать папиной дочкой. Он часто пропадал на работе и в командировках и редко уделял мне время.

У нас нет какой-то глубокой связи и близости.

— Яра, — мама улыбается, но ее фальшивую улыбку я считываю за секунду. Прекрасно знаю, когда она это делает искренне, а когда нет, — Привет, дорогая.

Тепло целует меня в щеку, обнимая за плечи.

— Яра, я думаю, родители разместятся в этой комнате, — Глеб заносит их вещи в спальню, где ночую я.

Все тело вмиг покрывается мурашками. Это значит... что сегодня сплю с ним в одной комнате.

— Да, конечно. Мам, пап, вы проходите, не стесняйтесь.

Первая половина вечера проходит спокойно, родители задают обычные, рядовые вопросы. В основном они спрашивают о жизни Глеба, о его родителях, о том, как он стал военным.

Я большую часть времени молчу, поклевывая салат и курицу. Кусок в горло не лезет из-за стресса.

Тяжелая мужская рука ложится мне на колено, сжимая его. Я вздрагиваю, кидая боковым зрением взгляд на сосредоточенный мужской профиль.

— Глеб, вы вот скажите мне, а как же так вы решили на нашей дочери жениться? Знакомы всего ничего... Не думаете ли вы, что поторопились?

Ох, мама...

— Не думаю, — четко отвечает Глеб, — Кто-то и за пять лет не может определиться, чего хочет. А мне было достаточно нескольких дней, чтобы это понять. Время не всегда

лучший советчик.

Я замираю, боясь пошевелиться... То, как Глеб говорит. Словно это правда. Словно он и правда за несколько дней решил, что я...

Да нет, глупости. Он просто помог мне, спас меня. И это я втянула его в этот водоворот событий.

— Да? — мать скептически приподнимает брови вверх, — И чем же могла заинтересовать такого взрослого мужчину девчонка?

Глеб еще сильнее сжимает свою руку на моем колене, словно одним движением дает мне знак, что держит ситуацию под контролем. И я могу расслабиться.

Хватаю бокал дрожащими пальцами, делаю жадные глотки вишневого сока, прячась от испытывающего взгляда матери.

— Разве возраст имеет значение? — хмыкает он, — Есть женщины, которые и в сорок умом и честью не блещут. А у вас дочь потрясающая. Она умная, достойная, воспитанная, чуткая и нежная. Рядом с ней хочется горы сворачивать, а это для мужчины самое главное.

Я перестаю дышать, потому что его слова звучат так... по-настоящему.

Бросаю взгляд в сторону, и в этот момент Глеб поворачивается, смотря мне прямо в глаза.

И в них что-то большее, чем то, что он сказал сейчас.

Сама не понимаю свой порыв, но я резко двигаюсь вперед,

клюю его в щетинистую щеку, оставляя нежный поцелуй на скуле.

— Так, ладно, — отец ударяет себя ладонями по бедрам, нарушая этот момент, — Пойдем с тобой, Глеб, тет-а-тет поговорим. А девочки пусть пошепчутся.

Глава 21. Ярослав

— Глеб, о чем вы говорили с моим отцом?

Я захожу в комнату, где уже расправлена постель. Два одеяла, две подушки. А я все равно внутренне ужасно волнуюсь от того, что нам придется спать не просто в одной комнате, а в одной кровати.

— Это был мужской разговор, Яра. Не бери в голову.

Я другого ответа и не ожидала, Глеб не станет сильно откровенничать, это не в его характере.

— Глеб, — подхожу к мужчине ближе, — Для меня важно знать.

— Яра, — он тут же поворачивается ко мне и обхватывает лицо своими крупными теплыми ладонями, — Твоим родителям нужно время, чтобы принять ситуацию. Возможно, им понадобится больше времени, чем хотелось бы. Ты же прекрасно осознаешь, какие надежды и планы возлагали они на твой брак с Орловым?

Усмехаюсь, чувствуя, как внутри что-то неприятно колет.

Неужели моим родителям все еще не дает покоя мысль, что мы не породнимся с генералом... Хотя мама этого и не скрывала при нашем с ней разговоре, пусть и не прямо дала мне понять, но я почувствовала это.

Дело не в том, нравится им или не нравится Глеб. Дело в том, что я нарушила их планы.

И от осознания, что какие-то там договоренности им важнее, чем счастье собственной дочери, мне не по себе.

— Яра, — Глеб склоняется ближе к моему лицу, — Я рядом. Я хочу, чтобы ты это знала.

— Я знаю.

Киваю ему несмело, он шарит глазами по моему лицу, словно ищет подтверждение моих слов. А потом его лоб касается моего, и мы так стоим, прилипнув друг к другу и почти не дыша.

Я долго не могу уснуть и ворочаюсь, стараясь крутиться не так громко и не шелестеть одеялом, чтобы не разбудить Глеба. Мысли безостановочно гоняют по голове, заставляя меня обдумывать каждый сделанный шаг, каждое произнесенное слово.

Резко поверх моего живота ложится ладонь, сжимая в руках ткань ночнушки.

Я замираю от новых ощущений, чувствуя, как за секунду натягивается низ живота.

— Не спится? — горячий шепот касается моего уха.

— Не могу уснуть, — выдыхаю жалобно, и рука Глеба еще плотнее вжимается в мое тело. Между нами что-то происходит, химия, которую невозможно сдерживать.

И это началось задолго до поцелуя. Словно это началось с самого начала. Еще тогда, в бане.

Я вспоминаю касания Глеба к оголенной коже, как он растирал мои бедра, как смотрел.

И мне было приятно, хотя тогда я была в других эмоциях, и мое состояние не позволяло это понять.

Сейчас же я осознаю, что между нами с подполковником пробежала искра сразу. Только ни он, ни я не смогли себе в этом признаться.

Я резко разворачиваюсь лицом к Глебу, и его рука перемещается мне на поясницу. В комнате темно, но я все равно вижу его глаза, губы, скулы.

Сама тянусь к мужчине, касаясь губами колючей кожи щеки. Веду дорожку от скулы к виску, а потом спускаюсь к губам.

Глеб — взрослый и опытный мужчина, он берет инициативу в свои руки. Одним рывком тянет на себя, и я оказываюсь сидящей на мужских бедрах.

Сквозь трусики в промежность упирается внушительная твердая выпуклость в трусах мужчины. Он держит меня за талию и дышит сбито.

Я не знаю, как описать состояние, когда мозг просто отключается. Именно это со мной сейчас и происходит.

Тяну ночнушку вверх, оставаясь в одних трусах. Сосочки тут же сжимаются и становятся твердыми. Глеб поднимает руку, касаясь моей груди, нежно ведет по ореолу большим пальцем.

Привстает, сгибая руки в локтях, и через секунду его рот обхватывает мою грудь, сладко посасывая.

Тихо стону, понимая, что за стенкой мои родители. И даже

этот факт не позволяет мне остановиться.

Мы еще плотнее прижимаемся друг к другу, и я просовываю руку между нашими телами, касаясь члена в трусах.

Глеб издает рык, дергаясь, а я смелею... И лезу уже в трусы.

Чувствую себя такой развратницей, но мне нравится. Нравится то, как это происходит с ним. У меня нет стеснения и ощущения, что мы делаем что-то неправильное.

Наоборот, впервые за последние дни внутри меня все пазлы складываются.

Глеб приспускает резинку трусов, и член призывно выпрыгивает, ударяя влажной головкой мне по животу.

В темноте я не могу разглядеть, какой он, но на ощупь кожа мягкая, скользящая и по диаметру там прилично. По длине, кстати, тоже.

Веду вверх и вниз по члену, медленно и тягуче.

Глеб кусает мою кожу на шее, там, где бьется вена, качая кровь.

— Я хочу тебя, маленькая, — сипло выдыхает мне в губы,
— Очень хочу.

— И я.

Мы замираем, привыкая друг к другу.

— Глеб, — шепчу ему в ухо, — Мне рядом с тобой так спокойно.

Он усмехается, качая головой. Подхватывает меня на руки, переворачивая нас и меняя местами. Всем видом пока-

зывает, кто здесь главный. И я не сопротивляюсь.

Лежу под ним, ноги скрещиваю вокруг мощного мужского торса. Веду по волосатой твердой груди, щупая мужское красивое тело.

Глеб отодвигает ткань моих трусиков в сторону, и его член касается мокрой и ноющей промежности, начиная тереться.

В голове вата, мысли вылетают, и остается только дикое необузданное желание.

Желание почувствовать его в себе.

Глава 22. Ярослав

— Яра, если будут какие-то неприятные ощущения, скажи мне.

Он нежно ведет рукой по моему бедру, а я уже даже не слышу его, настолько мне хорошо, что голова перестает соображать.

Я киваю, соглашаясь со всем, что он там говорит.

Плавно, без резких движений, Глеб входит, тут же заполняя собой всё. И пространство, и мое тело, душу и, возможно, даже часть моего сердца. С этим я еще не разобралась.

Когда его член входит во всю длину, мы оба останавливаемся и дышим, привыкая друг к другу. Мужской лоб касается моего плеча, он опускает голову, словно сдерживая себя.

Сжимаю свои руки на крепкой шее, подаюсь чуть вперед, меняя угол входа. И даю понять ему, что можно двигаться.

Последний раз у меня был давно. С Кириллом.

Поэтому я вспоминаю, какие ощущения должны быть, пока Глеб тягуче входит и выходит, чуть наращивая темп с каждым движением.

Мне хочется стонать, но я понимаю, что за стенкой родители, и уж последнее, что я хотела бы, чтобы они слышали мои стоны. Хотя мне сейчас чертовски хорошо.

Глеб засовывает руки под мое тело, приподнимая меня. Я оказываюсь сидящей на его бедрах, угол входа становится

еще более острым, отчего головка тут же упирается в верхнюю стенку, посылая в меня разряд тока.

Медленно опускаюсь на член и поднимаюсь, движимая его руками, которые удерживают меня за ягодицы.

Получается резкий толчок, и я все-таки стону, пряча возглас в его губах, потому что Глеб вовремя затыкает рот поцелуем.

Дальше мы с ним начинаем сходить с ума, темп становится быстрым, резким, как отбойный молоток.

В какой-то момент я чувствую, что его пальцы касаются клитора и мягко его гладят круговыми движениями, а член продолжает входить в меня.

Разрядка наступает быстро после таких манипуляций. Я закусываю свою руку, чтобы не закричать, и падаю на лопатки, чуть содрогаясь от оргазма.

Глеб следом кончает мне на живот крупными белыми каплями. И только когда мы оба выравниваем дыхание, я осознаю, что никакой защиты не было.

— Это было ахуенно, Яра.

Он говорит прямо и серьезно, совершенно не стесняясь. Ложится рядом, рукой подбирая меня под свое мощное тело. Одна его нога ложится поверх моих бедер, словно он боится, что я могу сбежать.

Сильные руки оплетают за талию, вжимая меня в себя. И все это время он целует меня в шею, заставляя хотеть его вновь и вновь...

— Мне тоже понравилось, — смущенно опускаю глаза, —
Очень.

— Я тебя не отпущу, Яра. Надеюсь, ты это понимаешь.

— А я никуда и не собиралась уходить, — хмыкаю и чувствую поцелуй в затылок.

Мы оба прикрываем глаза, нагие, разгоряченные и полностью расслабленные. Сама не понимаю, как проваливаюсь в глубокий сон, засыпая в коконе его рук.

А когда открываю, понимаю, что нахожусь совсем одна в комнате, на кухне слышны голоса.

Я лежу и смотрю в потолок, не моргая. Прокручиваю в голове прошедшую ночь и не могу поверить, что между мной и Глебом был секс. Очень классный, горячий, местами безрассудный секс.

Жалею ли я? Нет. Не жалею. И даже не хочу думать об этом.

Я уверена в Глебе, он за все это время показал себя с лучших сторон. Он меня не обидит, а это самое главное.

Надеваю халат поверх голого тела, плотно его затягивая. Не забываю надеть трусики, которые валяются на полу.

Выхожу из комнаты, гонимая трепетным ощущением от утренней встречи с ним.

Но на кухне встречаю только родителей, которые завтракают и пьют кофе. Глеба нигде нет.

— Он ушел рано утром, — отец ловит мой бегающий взгляд, — Я в туалет вставал, а он как раз выходил из дома.

Сказал, что срочно вызвали на полигон, там что-то случилось. Просил передать тебе, чтобы ты не переживала.

— Спасибо, пап.

Мягко улыбаюсь родителю, но он в ответ ничего не говорит.

Оба родителя крайне молчаливы, и я надеюсь, что наши ночные шалости с Глебом не были слышны. Мы очень старались вести себя тихо.

— Мы сегодня домой поедем, — вновь говорит отец, смотря в стену.

— Как? Уже?

— Ну а что нам здесь торчать? Дома дела.

— Ясно.

Между нами точно какая-то неловкая пауза, и я все жду, что мама начнет говорить.

— Яра, мы с отцом надеемся, что твой бунт закончится, и скоро ты вернешься домой. И очень надеемся, что дело не дойдет до свадьбы.

Шокированно открываю рот.

— У вас большая разница в возрасте, он опытный, повидавший всё на свете мужик. Тебе это зачем? Ну, голову снесло, молодая еще. Мы всё понимаем. И Кирилл тебя обидел, тоже понятно. Но...

— Никаких «но», мам. Кирилл меня не обижал! Он изменил мне. И я думаю, это веская причина для расставания. А Глеб... — чувствую, как слезы подступают к горлу, — Мне

все равно, сколько ему лет и какой у него там опыт. Мне с ним спокойно и безопасно.

Я вылетаю из кухни и запираюсь в ванной, включая мощный поток воды. Позволяю себе поплакать, потому что я не понимаю, как можно не поддержать собственного ребенка и не принять его выбор.

Глава 23. Глеб

— Товарищ подполковник, ситуация критическая. Нам поступил сигнал, что ночью при перевозке двух заключённых машина с конвоем была брошена на обочине. Два трупа. Ну и, как вы понимаете, не сбежавших.

Устало тру лицо, до сих пор не могу прийти в себя после ночи. Трясет всё тело от желания вернуться в постель и снова утонуть в девчонке.

Давно у меня, мать его, такого не было. Чтобы от секса так прело.

Хотя, если честно, меня просто всего прет от Ярославы. Мне нравится в ней всё, словно у девушки нет никаких минусов, одни плюсы.

Не знаю, может, за все мои страдания Бог наконец-то привел в мою жизнь что-то настоящее и важное. А то я заебался разочаровываться в людях.

— Вот ориентировка на них, — капитан Сеницын кладет на стол бумагу, — Предположительно они должны были бежать в нашу сторону, а значит где-то рядом. От той дороги, где был брошен конвой, лес к нам ведет.

— Лес прочесываете?

— Да, уже отправили. Какие дальнейшие действия?

— Давай, капитан, собирай остальных, пусть возьмут восточную часть леса. Они, конечно, вряд ли туда дошли, но

лучше быть на перехвате. Я пойду вслед за остальными по западу прочесывать. На связи.

— Есть, товарищ подполковник!

Беру с собой складной нож, которым отлично орудую. Надеюсь, он мне не пригодится, но всякое может случиться.

Фонарик в карман, теплее одеваюсь и выхожу. Этот лес я знаю как пять пальцев.

За час поисков пока глухо и тишина, сажусь у оврага, решая побыть в засаде. С зэками нужно действовать аккуратно, они обычно довольно приткие, знают лазейки и умеют обороняться.

Через ещё минут тридцать я слышу голоса с левого края, тут же прячусь за ствол дерева и тушу фонарик. Достая из кармана складной нож.

Ошибки быть не может, в поле зрения попадают два мужика: один довольно высокий, а второй пониже и крупный.

У высокого руки развязаны, а вот тот, что пониже, его руки все еще скованы наручниками.

Они проходят в нескольких метрах от меня, и я начинаю наступление со спины.

Уверенно обхватываю рукоятку ножа, мне главное положить того, что без наручников. От второго опасности нет.

Резкий прыжок, и я вхожу ножом в левое бедро, отчего зэк падает на одно колено, шипя и ругаясь матом.

— Сука! Тварь! Малек, давай, положи вояку! Ах, падла.

— Давай, Малек, — руками подзываю его к себе, — Риск-

ни. Набегались?

— Офицер, ты давай без резких движений. Мы никого трогать не собирались...

А Малек оказывается труслив, в целом это я и предполагаю.

— Ну ты, сука, Малек, нихуя не можешь сделать.

Между ними начинается словесная перепалка, и я впервые за столько лет службы теряю бдительность. Потому что раненый резко встает на обе ноги, отталкивает меня в сторону, отчего мой нож вылетает из руки.

— Малек, сюда дай! Скорее!

Низкий поднимает из сугроба мой нож, передавая товарищу, и тот со всей силы метит мне в живот. В последнюю секунду я успеваю увернуться, но лезвие все равно мажет по коже, не глубоко заходя в мягкие ткани.

Я слышу топот ног и лай собак. Наши бегут.

Беглецы бросают нож в крови, отчего алые капли уродливыми узорами падают на снег, и срываются с места.

— Товарищ подполковник, — ко мне подбегает капитан, — Вы ранены?

— Давайте за ними, — машу рукой, — Я в порядке.

Капитан дает распоряжение на захват, а меня поднимают двое рядовых и относят в часть.

— Валерия Семеновна, примите раненного, — дверь в мед кабинет открывается и меня заносят, укладывая на кушетку, — Ножевое.

— Выйдите! Оба!

Лера отдает распоряжение и подлетает ко мне.

— Глеб, ты как? Родной мой... — ее руки касаются моего лица, но я резко дергаю голову в сторону, — Сейчас обработаю всё, подожди, мой хороший.

Она ставит мне обезболивающее.

— Поворачивайся на бок, я обработаю.

— Не нужно, — отстранённо отвечаю, — Там царапина. Больше шуму навели.

— Все равно рану посмотреть, Глеб. Ты не хочешь, чтоб я смотрела, да? Злишься все еще?

— Блядь, умолкни!

Рывкаю на весь кабинет и стягиваю футболку через горло.

Она молча начинает обрабатывать рану, и я понимаю, что порез совсем плевым, до свадьбы заживет. А свадьба очень скоро.

— Все готово, — отбрасывает смоченные тампоны в отходы, — Желательно нагрузку несколько дней не давать, чтобы срослось без разрыва тканей.

— Ок.

Сажусь на кушетку, пытаюсь натянуть футболку обратно.

Блядь, чуйка у меня нехорошая. Тело потряхивает.

— Глеб, ты... Как ты?

— Тебя этот вопрос правда волнует, Лер?

— Конечно, волнует! — начинает психовать, — Долго ты еще будешь в этот спектакль со свадьбой играть? Хватит,

Глеб, мне больно... Я все поняла. Ты проучил меня, я осознала все. Прекращай. Я люблю тебя, и я знаю, что ты любишь меня.

Она подходит ко мне вплотную, вжимаясь своим телом в меня.

— Отойди, блядь. По-хорошему прошу.

— Ты любишь меня, Глеб?

— Шлюху, которая мне изменяла направо и налево? Нет, Лер, не люблю.

— Врешь... Я же вижу твой взгляд, Глеб. Такие чувства, как у нас, они так быстро не проходят...

Она поднимает руки и обвивает ими мою шею. Я дергаюсь в сторону.

— Сука, не трогай меня! Ты настолько дура? Не уважаешь себя совсем? У меня свадьба скоро, я другую... — запинаюсь на полуслове, а потом в голове щелкает, и слова с легкостью вылетают из меня, — Я другую люблю. И свадьба не спектакль. Все по-настоящему.

— Нет, я тебе не верю. Ты не смог меня так быстро разлюбить.

— А может, и не было любви, а, Лер? Мне теперь есть с чем сравнивать... Страсть, да. Помешательство, да. А вот та грязь, которую ты устроила, это не любовь. По-хорошему повторяю в последний раз, отойди, блядь. Иначе я применю силу.

Но она не слышит, упорно пытаясь коснуться меня.

Как в самом сраном дешёвом фильме, в тот момент, когда распахивается дверь, Лера всё же пользуется секундой моего замешательства и касается своими губами моих.

Я слышу голос Яры, и у меня внутри все органы делают кульбит.

— Глеб, ты здесь?

Она застывает в дверном проёме, держась за ручку двери. Её глаза за секунду наполняются слезами, она смотрит немигающим взглядом на меня, на эту суку, которая отходит на пару шагов назад, словно не при делах.

— Простите, что помешала.

Бесцветным голосом отвечает моя девочка, срываясь с места. И меня просто бросает в холодный пот.

Чем ты, сука, лучше её женишка?

Не смог бабе нормально объяснить, чтобы она шла нахуй? Теперь иди и разгребай.

Я резко встаю с кушетки, хватаю Леру за горло, не сильно, лишь фиксируя женское тело.

— Сука ты, Мартынова. Самая настоящая сука. Хорошо, что меня Бог от тебя отвел.

Отталкиваю от себя женское тело и срываюсь за Ярой. Она все поймет... Она не глупая девочка. Она знает, что значит для меня. Она точно этой ночью чувствовала то же самое, что и я.

Дорогие мои, мне в комментариях писали, что в прошлой главе не работала ссылка на новинку мою)

Попробуйте эту ссылку, пожалуйста, должна сработать <https://litnet.com/shrt/qRjc>

В тех поддержку тоже писала, но сайт в последние дни штормит) спасибо за вашу поддержку!

Глава 24. Ярослав

— Люда, это я! Прости, родителей провожала, чуть опоздала, — влетаю в магазин, на ходу снимая с себя пуховик.

Люда выходит из подсобки, жуя сочное зелёное яблоко.

— А я думала, ты сегодня вообще не придешь, — пожимает плечами, — Думала, с Глебом Игоревичем будешь.

— Да у него там что-то важное, вызвали с утра.

— Так ты не в курсе, что ли? — перестает жевать, округляя глаза. А у меня сердце места не находит после её слов. Замираю посреди магазина в ожидании, — Там два зэка сбежали, наши их поймали. Правда, Глебу досталось, ранили его.

— Что?

— Ну, мой говорит, что там вроде не смертельно, но в санчасть увели.

Я даже не отвечаю женщине, хватаю пуховик и обратно его натягиваю. Вылетаю пулей из магазина, из глаз брызжут слёзы от страха за него и волнения. Сама не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.